

И всюду звук, и всюду свет,
И всем мирам одно начало.
А.К. Толстой

ТЕМА 5. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СТРУКТУРЫ АБСОЛЮТА (СЛОВА)

- 5.1. Слово в лингвистической традиции.*
- 5.2. Слово как центральная единица языка.*
- 5.3. Структура слова в лингвистической традиции.*
- 5.4. Додекаэдрная структура слова.*
- 5.5. Краткая характеристика структурных элементов слова.*
- 5.6. Парадигматические и синтагматические отношения в слове.*
- 5.7. Ассоциативно-вербальная сеть как психологическая основа владения языком.*
- 5.8. Понятие и образ как элементы структуры слова.*

5.1. СЛОВО В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Число живых и мертвых языков, которое известно в наши дни современной науке, очень велико. Оно колеблется от 2500 до 5000 и более в зависимости от того, какие принципы кладутся в основание выделения самостоятельных языков, их отличия от диалектов одного и того же языка, включаются ли в это количество мертвые языки и праязыки.

Это огромное количество языков различается и многообразием их внутренней структуры. Есть языки, в которых отсутствуют роды, падежи и числа, глагольные времена и виды. В других языках не проводится различий между существительными и глаголами, или, например, различие между одушевленным и неодушевленным является родовым различием; может проводиться неизвестное нам различие между родами, когда один род применяется для обозначения большого и могучего, а другой — для обозначения малого и слабого. Вместе с тем, как справедливо отмечал в своей работе “О происхождении языка” немецкий ученый Я. Гримм, “все языки представляют собой уходящее в историю единство, они соединяют мир”, а “их многообразие служит умножению и оживлению движения идей” (16, ч. 1, 62).

Языкознание зарождалось в эпоху мифотворчества, когда слово было орудием человеческой деятельности и одновременно чем-то таинственным, наделенным магической силой, требующим пиетета и осторожности. Для древних индусов Священные тексты только тогда имели свою божественную силу, когда воспроизводились в точности, соответствующей их литературному языку — санскриту. По мысли древнеиндийского лингвиста Бхартхари, слово представляет собой некий абстрактный инвариант (фр. *invariant* — букв. не изменяющийся; неизменный по отношению к некоторым преобразованиям, независимый от физических условий), тождественный сам себе в разных физических реализациях в различных высказываниях. Оно является не физической реальностью, а особой духовной сущностью.

Взгляд на слово как духовную сущность, мировой разум, или логос, и как начало, образующее разумность отдельного человека, характерен для различных культурных традиций – индийской, китайской, греко-латинской. Античная теория именования рассматривает слово не только как ведущее начало, образующее разумное вообще, но и как орудие, с помощью которого производится действие с реальным или воображаемым предметом. В социальном плане слово дает возможность человеку постигать и объяснять мир, приобретать знания, упорядочивать социальную деятельность людей, с его помощью человек учится правильному поведению, этике взаимоотношений, формирует сакральный опыт. В силу орудности и всеобъединяющего начала слово, учили древние мыслители, требует к себе особенно внимательного отношения. Его нужно правильно создавать и применять, так как в противном случае нарушится порядок в обществе и космическая гармония.

Крупнейшие философы античности приняли участие в споре о природе названий. Так, Гераклит (540—480 гг. до н. э.) считал, что каждое имя отражает природу обозначаемой вещи, неразрывно связано с ней и что в именах раскрывается сущность вещей. Более поздняя греко-римская философская школа стоиков также придерживалась убеждения, что слова “изначально истинны”, соответствуют истинной сущности обозначаемых ими вещей и что, исследуя слова, можно проникнуть в самую сущность вещей. По их мнению, слова воспроизводят звуки, издаваемые предметами, и выражают те впечатления, которые предметы произвели в душе человека. Стоик Августин отмечал: “... так как есть вещи, которые не звучат, то для них то же значение имеет сходство осязательного воздействия: если они воздействуют на чувства мягко или грубо, то мягкость или грубость букв (*древние греки отождествляли звуки и буквы – А. Г.*), действующая на слух, породила для них такие же имена... Сами вещи воздействуют так, как ощущаются слова: *mel* (мёд) — как сладостно воздействует на вкус сама вещь, так и именем мягко действует на слух; *acre* (острее) в обоих отношениях жестко; *lana* (шерсть) и *vepres* (терн) — каковы для слуха слова, таковы сами предметы для осязания” (1, 72). Стоики же сформулировали так называемый классический семантический треугольник, в котором отражается соотношение между вещью, мыслью о ней и словом, выражающим эту мысль.

Демокрит (460—370 гг. до н. э.) выступал против природной связи между словом и вещью. Он считал, что вещи обозначаются словами не соответственно природе самих вещей, а согласно обычаю, по установлению людей. Прямой характер связи между именем и предметом оспаривался им следующими аргументами: 1) наличием в языке омонимов и многозначных слов (если связь имени и предмета природная, почему тогда одно и то же слово может связываться с несколькими предметами); 2) наличием в языке синонимов (почему несколько разных слов обозначают один и тот же предмет); 3) возможностью перенаименования предметов (почему, например, раб при продаже его другому хозяину получает, как правило, новое имя); 4) наличием в окружающей действительности предметов и явлений, которые не имеют названий. Этот спор отражен в диалоге Платона “Кратил”.

Кратил утверждает, что “у всякого существующего есть правильное имя, врожденное от природы, и что не то есть имя, чем некоторые люди, уславившись так называть, называют, произнося при этом частицу своей речи, но некое правильное имя врождено и эллинам и варварам, одно и то же у всех” (1, 36). Сущность позиции Кратила заключается здесь не в том, что он пытается выяснить соотношение между словами человеческих языков и вещами, он отмечает условность такого обозначения, а в указании на наличие у вещей других имен, по его мнению, “врожденных от природы”. В такой формулировке не совсем ясно, свойственно ли это имя вещи как некой самости или же за именем стоит некто, его установивший. Выражаясь современным языком, идет ли здесь речь об имени, которым обозначена так называемая природная вещь в “космическом каталоге” Творца. Фактически же Кратил ведет речь о существовании двух типов слов: Логоса — как творящего начала, присущего Творцу, и онима — как обозначающего начала, свойственного человеку.

Это была очень глубокая мысль. В ней указывалось, что независимо от многообразия языков каждая “природная” вещь может иметь иное имя, неизвестное людям, которое и составляет ее природную сущность, то есть, выражаясь современным языком, выступает энергетическим каркасом, моделью, внутренней структурой вещи. Однако эта идея не получила дальнейшего глубокого развития в лингвистике, хотя и были попытки ее возродить.

Большее признание получила противоположная точка зрения, принадлежащая Демокриту, которую в диалоге выражает Гермоген: “Не могу поверить, — говорит он, — что правильность имени состоит в чем-либо ином, чем в договоре и соглашении. Ведь мне кажется, какое имя кто чему установит, таково и будет правильное имя; ведь никакое имя никому не врождено от природы, но принадлежит на основании закона и обычая тех, которые этот обычай установили и так называют” (1, 37). Эта, по сути, правильная мысль в отношении человеческих языков отражает лишь часть истины, поскольку данным тезисом нельзя опровергнуть возможность существования у “природной вещи” и другого имени, которое может быть неизвестно человеку.

Против этих двух точек зрения в диалоге выступает Сократ, который не соглашается как с тем, будто слово всегда отражает сущность предмета, так и с тем, будто связь между предметом и его названием случайна. Он считает, что вначале между звуками слова и обозначаемыми предметами существовала какая-то внутренняя связь, которая впоследствии была утрачена, и связь слова с предметом была закреплена общественной традицией. Он не отвечает на вопрос, возможно ли существование у вещей других имен, кроме данных им человеком.

Споры о природе названия в их философском смысле возрождаются в средние века — споры реалистов и номиналистов. Реалисты, во главе с епископом Кентерберийским Ансельмом (1033—1109), утверждали, что общие понятия объективны и реальны и предшествуют материальным вещам. Идеи, облеченные в форму понятия, есть внутреннее слово бога, творящее материальные вещи.

Номиналисты, возглавляемые Росцеллином из Компьена (1050—1110), считали, что реальны лишь вещи с их индивидуальными качествами и свойствами, а общие понятия, выводимые нашим мышлением, не только не существуют независимо от предметов, но даже не отражают их свойств.

Среднюю позицию занимали умеренные номиналисты, во главе с французским философом Пьером Абеляром (1079—1142), полагавшие, что реально существуют только отдельные предметы, которые являются базой общих понятий. По их мнению, сами общие понятия отдельно не существуют, а выводятся сознанием человека из обобщения реально существующих свойств предметов и отражают их свойства.

* * *

<...> **«3. От Филона до Абеляра.** Чтобы ясно представить себе историко-философский контекст, в котором возникли и развивались средневековые семантические теории, необходимо учесть два основных момента. Первый: все раннесредневековые философские концепции находились под сильнейшим влиянием платонизма (точнее, неоплатонизма). В них, во всяком случае на первом этапе, широко используется – хотя и употребляется иначе – концептуальная система позднеантичной философии, в частности – основные категории, свойственные учению стоиков и восходящие к Платону. Второй: невозможно понять суть воззрений средневековых философов на значение, если не уловить главного, доминирующего направления их мысли. Мы имеем в виду свойственную всей средневековой философии идею, выраженную в наиболее яркой форме Псевдо-Дионисием Ареопагитом: “воистину, вещи зримые суть явленные образы вещей незримых”...

Предшественником анализируемой концепции, как и христианской теологии вообще, является александриец Филон. Опираясь на учение стоиков о мировом логосе и его отображении в языке через разум отдельного человека, Филон объявил логос силой, посредством которой бог творит мир... Логос есть то, что соединяет бога и мир, бога и человека через разум последнего. Более того, он также относится к космосу, как человеческий разум к человеку. Разум превращается, таким образом, в слабое подобие Логоса. Слово дано человеку, в частности, в форме священного писания: правильно истолковать писание значит проникнуть в скрытую премудрость, приблизиться к божественному знанию. Отсюда целое направление в теологии – экзегетика или герменевтика... Но подлинный смысл писания связан с духовным постижением, а не с разумом как таковым, хотя совершенствование разума необходимо для постижения (экзегезы).

Блаженный Августин, развивая идеи экзегетики, рассматривает важность для нее теории знака (в частности, языка как системы знаков), являющейся чем-то вроде пропедевтики наук... Впрочем, Августин был едва ли не первым, кто попытался построить общую теорию знаковых систем, частным случаем которой является теория языка. Прежде всего сюда входит разграничение искусственных и естественных знаков. Как уже говорилось, не это является самой важной чертой раннесредневековой семантики или семиотики, но сама концепция вещи как символа (знака) идеи. Это звучит парадоксально, однако есть все основания для подобной формулировки.

“Символ в средневековом его понимании не простая условность, но обладает огромным значением и исполнен глубочайшего смысла. Ведь символичны не отдельные акты или предметы: весь посюсторонний мир не что иное как символ мира потустороннего; поэтому любая вещь обладает двойным или множественным смыслом, наряду с практическим применением она имеет применение символическое.

Мир – это книга, написанная рукою бога, в которой каждое существо представляет собой слово, полное смысла... Символ, следовательно, не субъективен, а объективен, об-

щезначим. Путь к познанию мира лежит через постижение символов, их сокровенного смысла”...

Символы (понимаемые здесь расширительно) или образы могут иметь разную природу. В.В. Бычков выделяет три основных типа образов: миметические (подражательные), символические или символично-аллегорические и знаковые... Отличаются они друг от друга “характером *выражения* духовного содержания в материальных образах или степенью *изоморфизма*”... К первому типу относятся, по концепции раннехристианских философов, изобразительные искусства античности – простые (для них) копии действительности. Аллегии (символично-аллегорические образы) наиболее распространены. Именно сюда относится глубоко разработанное в апологетике различие “образа” (миметического) и “подобия”. Телесность человека, его плоть, создана “по образу” бога, и она “является материальным выражением божественной духовности... Подобие же относится к чисто духовной сущности человека.

Экзегетическое толкование священного писания – это, в сущности, и есть расшифровка системы заключенных в нем аллегорически-символических образов: “изреченное в словах – лишь символ скрытого смысла, который обнаруживается при толковании... Тело закона – словесные предписания, душа же – заключенный в словах невидимый смысл”, – писал еще Филон... Примером может служить символика апокалиптических животных, имеющих соответственно лики льва, тельца, человека и орла. По Иринею, это символы разных сторон деятельности Христа; отсюда они становятся символами четырех евангелий и даже евангелистов (Иероним), а затем – символами воплощения, смерти на кресте, воскресения и вознесения.

Наконец, третий вид образов – знаковые образы – выступает в раннехристианской культуре прежде всего как знамение – некое чудо, возвещающее собой сверхъестественное событие (знамение второго пришествия Христа и др.) – или вообще как чудо – знак божественной сущности Христа. Так, у Паканция говорится, что страдания и чудеса Христа имеют “великую образность и знаковость” (*significancia*).

...В основе этого понимания лежит платоновское, а затем стоическое понимание мира как отображения божественного Логоса, а самого Логоса – как своего рода порождающей модели. Применительно к платонизму это четко сформулировал А. Ф. Лосев: “идея вещи в платонизме есть *сущая и порождающая* модель вещи”... Уже в рамках христианской апологетики Ориген прямо утверждает: “Логос – ... образец, по которому сотворен мир. В нем план мира и идеи всего сотворенного...”... К тому же источнику восходит так называемый “экземпляризм” философии Августина: “Для творимых вещей идеи выступают как образы, по которым они творятся, как прообразы, основания и причины их бытия”... И, наконец, тот же источник, что для нас особенно важно, лежит в основе широко известного направления “реализма” в средневековой схоластической философии.

Концепция реализма представлена в раннем средневековье Ансельмом Кентерберийским и Гийомом из Шампо. С точки зрения реалистов, общие идеи (роды и виды) служат – как и для Августина – идеальными прообразами для создания единичных вещей, которые являются истинными в меру соответствия этим идеальным прообразам. Эта точка зрения находит дальнейшее развитие у Фомы Аквинского, согласно которому универсалии (идеи) имеют тройное существование: до вещей (*ante res*) – в божественном разуме; в вещах (*in rebus*) – поскольку они воплощают идеи божественного разума; и, наконец, после вещей (*post res*) – в интеллекте человека, открывающего их в мире. Предмет отражается в душе человека через свое “подобие” (ибо телесный объект не может взаимодействовать с бестелесной душой) – чувственное впечатление. Затем эти “подобия” проходят первичную обработку так называемыми “внутренними чувствами”, к которым относятся, в частности, память и воображение и которые организуют первоначальный хаос впечатлений: возникает система чувственных образов. Следующий этап, – обработка их разумом, т. е. процесс абстракции, приводящий к выявлению видовых и родовых форм, – превращает чувственные образы в образы “умопостигаемые”, помещающиеся в так называемом

“возможностном разуме” (*intellectus possibilis*) – здесь формы телесных тел освобождаются от физической оболочки и начинают вести чисто духовное существование. И, наконец, последний, самый высший (для человека) этап – обработка умопостигаемых образов “активным разумом”, продуктом которой являются понятия, в дальнейшем используемые при образовании суждений. Интересно, что для понятий Фома Аквинский, кроме “концепта”, использует термины “*species expressae*”, т. е. “выраженные виды” или же “*verba mentis*” – “слова ума”...

Противоположная позиция известна под названием номинализма. Его возникновение связано с именем Росцеллина. Для Росцеллина единственная реальность – индивидуальные вещи: следовательно, универсалии возникают только “после вещей”, т. е. в человеческом разуме. “Роды и виды – это только звуки речи, слова, имена (*nomina*)”... Они выражают не отношения вещей (субстанций), но служат только для классификации слов. Точно так же трактует Росцеллин и аристотелевы категории.

Менее крайнюю позицию, известную под названием концептуализма, отстаивал в рамках номинализма Пьер Абеляр. Для него слово – не просто “пустой звук”, но носитель значения (*significatio*). Слово в этом смысле способно определять предметы, выступать предикатом к ним, и не само слово, но речь является универсалией (или в ней заключаются универсалии). Общие понятия есть продукт деятельности человеческого ума и существуют только в речи... Они возникают в процессе абстрагирования чувственных впечатлений: есть единичная, “реальная” вещь, и есть множество ее признаков, определяемых ее “формой”. Работа разума заключается в отсеивании признаков индивидуальных и синтезе таких признаков, которые объединяют вещь с другими вещами в понятия (*concepti*). Непросто увидеть здесь и влияние платонизма...

Слово есть для Абеляра инструмент мысли, оно создается для обозначения мысли так, чтобы это слово можно было понять – перед нами снова идея, которую находим у Платона. Но слово ни в коей мере не есть смысл вещи, оно самоценно. Противоположное мнение высказывал Ламберт из Осера, также умеренный номиналист. Он определял значение как “разум ... вещи, к которой прилагается “слово”: значению у него противостоит суппозиция..., т. е. отнесенность слова к единичным предметам» (Леонтьев, А.А. Генезис семантической теории: античность и средневековье // ВЯ, № 1, 1988. С. 5-16.).

* * *

Получая в различные эпохи неодинаковую наполненность и разные интерпретации, этот спор еще раз подтвердил необычайную актуальность для человеческой мысли темы, уходящей своими корнями в доисторические правремена: соотношение между словом, мыслью, предметом, человеком и Творцом.

В истории лингвистической мысли представления о слове и его структуре развивались вместе с охватыванием феномена языка как системы. Борьба и развитие идей в науке о языке сформировали современные представления о нем как о сложном сочетании материального и идеального, биологического и психического, общественного и индивидуального, как о явлении, обладающем сложной внутренней структурой. И хотя сам язык как объект науки всегда был дан человеку в непосредственном наблюдении, уже на ранних этапах языкознания была понята необыкновенная сложность предмета исследования, связанная не столько с его наблюдаемыми формами, сколько с его внутренним устройством.

Попытки осмысления внутреннего единства языков мира относятся еще к XVII веку, к авторам универсальной грамматики А. Арно и Кл. Лансло. Тем самым было положено начало зарождению общей теории языка и сфор-

мулирован ее предмет – внутренняя структура языка вообще, независимая от специфических форм ее проявления в многообразных языках мира. История языкознания свидетельствует о том, что получение такой внутренней структуры – вершина, к которой всегда стремилось теоретическое языкознание, его виднейшие представители: В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр, Бодуэн де Куртенэ, Л. Ельмслев и др. Независимо от подходов к этой проблеме у теоретиков языкознания всегда была одна общая платформа – внутреннее единство языков мира. Мысль о том, что при всем безграничном несхождении языков они созданы как бы по единому образцу, стала доминирующей в современной общей теории языка. Это поставило общую теорию языка перед необходимостью «объяснительной адекватности», то есть к выявлению и интерпретации языковой структуры в целом, не связанной с конкретными формами национальных языков. Такая попытка была впервые предпринята Копенгагенской школой структурализма еще в начале XX века, однако она не привела ее авторов к созданию универсальной лингвистической теории, основанной на внутренней структуре языка. Одной из причин неудачи датских структуралистов явилось полное игнорирование ими лингвистической традиции. Задача создания общей теории языка осталась актуальной для их современников и последующего языкознания. О необходимости ее решения говорилось в 1962 году в Кембридже (США) на IX Международном конгрессе лингвистов. Н. Хомский в 1968 г. указывает на насущную потребность объединения эмпирического направления в языкознании с тем, которое «занимается абстрактными обобщениями». К 70-м годам XX века созревает мнение, что «исследование языковой структуры является основной задачей всех направлений современной лингвистики, а кардинальный принцип такого структурного (или, по другой терминологии, номотетического) подхода к языку, разделяемый всеми направлениями лингвистики, можно определить как сочетание инвариантности и относительности» (50, 405).

Поиски лингвистикой единой внутренней структуры языка оказались тесно связанными с главной тенденцией современной фундаментальной науки – поиском непротиворечивой основы мироздания в виде геометрического образа и созданием на этой базе общей теории науки. Попытки построения такой грандиозной объединяющей теории привели многих ученых к мысли, что это, по-видимому, невозможно в рамках стандартной системы идей и что здесь требуется привлечение новых представлений и методов.

Одной из фундаментальных ценностей лингвистики является положение В. фон Гумбольдта о языке как энергии и деятельности духа, развитое многими языковедами: Г. Штейнталем, М. Лацарусом, А.А. Потебней, К. Фосслером и др. Гумбольдт справедливо полагал, что языкознание не решит ни одной проблемы, если оно не поднимется до понимания языка как деятельности духа. Методологической основой «духовной» концепции языка выступают учения Платона, Г. Гегеля, Ф. Шеллинга и ряда других философов о духе как первооснове всего сущего и источнике развития мировой истории. В учениях философов и лингвистов дух, являясь движущей силой всякого развития, понимается как идеальная сущность, о которой можно только

сказать, что она есть. Вероятно, именно этот фактор в сочетании с авторитетным «давлением» на всякое знание «материальных» наук (физико-математических и естественных) не дал возможности языкознанию в дальнейшем в полной мере осознать важность тезиса Гумбольдта для развития лингвистики как науки.

Однако сегодня в понятие духа можно внести уже физический смысл, а самому духу придать определенную форму, что открывает новые перспективы в его исследовании, в изучении сознания и мышления. Для автора пособия дух – это нулевые световые волны, обладающие энергией и импульсом. И в этой точке происходит смыкание «духовных» и «материальных» наук, поскольку современная физика оперирует понятиями нулевой и импульсной энергии. Такое понимание духа не противоречит и религиозным представлениям о нем (ср. библейское: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы», «Ты одеваешься светом, как ризою»).

Еще одной важной предпосылкой фундаментальной науки для получения геометрического образа языка явилось учение Аристотеля о чистой форме как одной из реальностей бытия. Поскольку дух – это идеальная сущность, то и форма его может быть только идеальной, «чистой», отвлеченной от форм созданных духом физических объектов. Свое воплощение учение Аристотеля о чистой форме находит в современной математике, в таком ее разделе, как топология. Топология изучает наиболее общие свойства геометрических фигур, остающиеся неизменными при любых преобразованиях этих фигур. И в этом смысле язык как сущность может иметь одну общую форму, независимую от национальных форм различных языков. Р.О. Якобсон, для которого, как известно, центральным понятием лингвистики был инвариант, считал, что наиболее адекватное представление это понятие находит в топологии.

Центральным принципом в получении такой «чистой» (топологической) формы в пособии явился принцип структурного изоморфизма. Этот принцип характеризует соответствия между структурами объектов. Две структуры рассматриваемые отвлеченно от природы составляющих их элементов, являются изоморфными друг другу, если каждому элементу первой структуры соответствует лишь один элемент второй и каждой связи в одной структуре соответствует связь в другой, и наоборот. Такое взаимоднозначное соответствие называется изоморфизмом. Он может быть полным лишь между идеализированными, абстрактными объектами. Изоморфизм связан не со всеми, а лишь с некоторыми фиксированными свойствами и отношениями сравниваемых объектов, которые в других своих отношениях и свойствах могут отличаться.

В современной фундаментальной математике и физике единых теорий является общепринятым представление о том, что в основе мироздания должна лежать геометрическая фигура. Один из создателей квантовой механики, лауреат Нобелевской премии, австрийский физик-теоретик Э.Шрёдингер (1887 – 1961) пишет: «В эйнштейновской теории гравитации представление о материи и ее динамических взаимодействиях базируется на

понятии геометрической структуры, внутренне присущей пространственно-временному континууму. Идеальным устремлением этой теории, ее конечной целью является не более и не менее как доказательство следующего утверждения: четырехмерный континуум, наделенный определенной внутренней геометрической структурой, структурой, которая подчинена определенным, присущим ей чисто геометрическим законам, должен представлять собой адекватную модель или картину «окружающего нас реального мира в пространстве и времени» со всем, что он содержит, описывающую его поведение как целого, – картину всех событий, разыгрывающихся в нем» (47, 10).

Понятие структуры становится одним из самых распространенных в науке XX века. В физике микромира наиболее фундаментальными структурами оказываются различного рода симметрии – поворотные, зеркальные и другие. Все явления микромира предстают в виде симметричной картины, которая следует из основных принципов квантовой теории поля. Биология объявляет асимметрию незыблемым законом живой природы, вводит принцип комплементарности в структуру генетического кода. В математике создается теория математических структур. В психологии получает широкое развитие концепция структурной психологии, согласно которой психические акты всегда выступают в определенной целостной системе, в их взаимной связи и обусловленности. Структурализм, захватив и языкознание, делает возможным создание единого основания для сравнения языковых систем. Общая теория науки ищет единое основание для микромира и макромира.

Строго говоря, если в начале было Слово, то, построив непротиворечивую геометрическую модель реального слова, можно получить основу мироздания. В этом случае геометрическая модель структуры слова должна обладать огромной объясняющей силой и для других объектов микромира и макромира. Таким образом, первый шаг в объединении научной и религиозной истины заключается в получении геометрической модели слова и языка.

5.2. СЛОВО КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

Для русского и европейского языкознания XIX—начала XX века характерен многосторонний подход к слову как центральной единице языка, объединяющей в своем составе признаки различных аспектов языка — звукового, грамматического, смыслового. Он свойственен работам многих выдающихся русских и зарубежных лингвистов: И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. И. Буслаева, В. фон Гумбольдта, А. М. Пешковского, А. А. Потебни, Ф. де Соссюра, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова и др. Они оказали огромное влияние на современные представления о слове как единице языка.

Известно, что, несмотря на значимость слова для механизма языка, в лингвистике не существует его удовлетворительного определения. Еще М. Н. Петерсон отмечал: “Вообще удовлетворительного определения слова нет, да и едва ли можно его дать. Слово — такое простое понятие, которому нельзя дать логического определения, а потому приходится удовольствоваться простым указанием или описанием” (28, 23).

Эту же мысль подчеркивал Р. А. Будагов, отмечая, что понятие слова до сих пор остается одним из сложнейших в науке о языке, несмотря на, казалось бы, простую очевидность слов.

Н. Г. Комлев, рассматривая содержание слова в различных аспектах, насчитывает в своей аспектации восемь “элементарных” значений термина “слово” и соответственно типов слов (18, 102—104).

Вместе с тем в истории лингвистики было выдвинуто более 70 различных критериев определения слова. В их основе лежали графические, фонетические, грамматические, семантические, структурные и иные признаки.

В компьютерной лингвистике используется графический критерий, где слово определяется как последовательность знаков, ограниченная пробелами. Это формализованное определение слова, в котором не учитывается его содержательная сторона. Ведь в некоторых языках, например, в испанском, безударные слова могут писаться в ряде случаев слитно. В этих случаях формальный критерий выделения слова оказывается не точным, поскольку здесь одно орфографическое слово охватывает несколько реальных. Далее, такой знак, как тире, при наборе также ограничивается двумя пробелами, хотя и не является словом; сюда же относятся цифры, формулы, различного рода символы.

Среди фонетических признаков слова отмечают его звуковое единство и обособленность, отмечаемые в разных языках особыми сигналами: возможностью паузы до и после слова, позиционными изменениями звуков или тона (например, в русском языке опущение конечных звонких согласных), наличием единственного ударения для каждого слова и некоторые другие. Однако и здесь возникают отдельные противоречия. Например, слово, помимо основного, может иметь второстепенное ударение, фонетическое слово также не совпадает с границами слова в его лексико-грамматическом понимании, поскольку, к примеру, в русском языке к знаменательному слову могут примыкать различного рода клитики, объединяемые ударением и паузой. Во французском языке в звуковом потоке объединяются группы слов, которые выражают в процессе речи единое смысловое целое.

С грамматической и лексико-семантической точек зрения также обнаруживается разнообразие типов слов и признаков в них. Так, не все слова являются членами предложения, не все способны быть названиями.

Разный объем и набор признаков, характерный для различных видов слов и разных языков, побуждал лингвистов пересматривать взгляд на слово как центральную единицу языка. Многие предлагали отказаться от понятия слова как единицы языка. Ш. Балли замечал, что понятие слова является одним из наиболее двусмысленных понятий, которые встречаются в языкознании. Он призывает освободиться от “неопределенного понятия слова”. Некоторые лингвисты предлагали, не отказываясь от понятия “слово”, не давать ему общего определения, а довольствоваться рабочими определениями или же общими указаниями на его основные признаки. Иногда набор признаков для слова оказывался достаточно большим, что делало само понятие не очерченным и расплывчатым.

Н. М. Шанский, например, выделяет в слове как лингвистической единице в целом двенадцать основных признаков. Эти признаки применительно к словам русского языка следующие: 1) фонетическая оформленность, 2) семантическая валентность, 3) непроницаемость, 4) недвуударность, 5) лексико-грамматическая отнесенность, 6) постоянство звучания и значения, 7) возобновляемость, 8) цельность и единооформленность, 9) преобладающее использование в сочетаниях слов, 10) изолированность, 11) номинативность, 12) фразеологичность. Из этих двенадцати признаков он выделяет пять — фонетическую оформленность, семантическую валентность, недвуударность, лексико-грамматическую отнесенность и непроницаемость, которой, по его мнению, слова отличаются от предложно-падежных форм, — в качестве граничного минимума признаков для слова (46, 11).

Определенную традицию имеет выделение в слове еще меньшего набора признаков, среди которых важнейшими считаются: а) смысл слова, его значимость для определенного коллектива людей; б) фонетическая или графическая оформленность; в) лексико-грамматическая отнесенность.

В определении слова также существует широкий спектр мнений лингвистов.

Уже античные авторы в своих попытках определить слово давали ему различные характеристики. Дионисий Фракийец полагал, что “слово есть наименьшая часть связной речи”, Схолий же определял слово как “членораздельный звук, выражающий нечто подуманное”, Харисий как “состоящее из слогов законченное речение с определенным значением”. Для Диомеда слово — это “членораздельный звук с каким-нибудь значением, из которого составляется и на который распадается предложение”. Присциан под словом понимает “мельчайшую часть построенного, т. е. расположенного в порядке, предложения: часть — в той мере, в какой она служит к пониманию целого” (1, 117). Античное понимание слова находит свое отражение в формулировках современных языковедов.

В. Жирмунский определял слово как “кратчайшую единицу языка самостоятельную по своему значению и форме”, Н. Панов — как минимальную значимую единицу, которая вступает в свободные сочетания.

Другие лингвисты дают определение слову, учитывая, прежде всего, его основную функцию — номинативную. Такой подход к слову разрабатывали А. А. Реформатский и Д. Н. Шмелев, который определял слово как номинативную единицу.

Некоторые языковеды считают оптимальным определение слова через его отношения к более сложной единице языка — предложению. Л. В. Щерба полагал, что слово есть часть предложения, которую можно употребить самостоятельно. Аналогичного взгляда на определение слова придерживался известный американский лингвист Э. Сепир.

Ряд лингвистов рассматривают слово в психофизиологическом аспекте, как условный рефлекс человека на членораздельную речь. Такого взгляда придерживались американский лингвист Л. Блумфилд, польский языковед В. Дорошевский и некоторые другие.

Во многих случаях разногласия между учеными во взгляде на феномен слова вызываются односторонним подходом к его изучению, когда придается преувеличенное значение одним признакам в ущерб другим, а также имеющим место формальным противоречиям, переходным типам или отклонениям.

Академик В. В. Виноградов по этому поводу пишет: “При одностороннем подходе к слову сразу же выступает противоречивая сложность его структуры и общее понятие слова дробится на множество эмпирических разновидностей слов. Являются “слова фонетические”, “слова грамматические”, “слова лексические” (4, 13). Он полагает, что в изучении слова и его структуры лингвистам не следует придавать преувеличенное значение формальным противоречиям и переходным типам, а необходимо глубже вникнуть во все элементы смысловой структуры слова.

* * *

«Проблема слова в языкознании еще не может считаться всесторонне освещенной. Не подлежит сомнению, что понимание категории слова и содержание категории слова исторически менялось. Структура слова неоднородна в языках разных систем и на разных стадиях развития языка. Но если даже отвлечься от сложных вопросов истории слова как языковой категории, соотносительной с категорией предложения, в самом описании смысловой структуры слова еще останется много неясного. «До сих пор в области языка всегда довольствовались операциями над единицами, как следует не определенными», – заявлял Ф. де Соссюр, касаясь вопроса о слове. Лингвисты избегают давать определение слова или исчерпывающее описание его структуры, охотно ограничивая свою задачу указанием лишь некоторых внешних (преимущественно фонетических) или внутренних (грамматических или лексико-семантических) признаков слова. При одностороннем подходе к слову сразу же выступает противоречивая сложность его структуры и общее понятие слова дробится на множество эмпирических разновидностей слов. Являются «слова фонетические», «слова грамматические», «слова лексические».

...На фоне этих противоречий возникает мысль, что в системе языка слово есть только форма отношений между морфемами и предложениями, которые являются основными функциональными единицами речи. Оно есть «нечто определенным образом оформленное, берущее то побольше, то поменьше из концептуального материала всей мысли в целом в зависимости от «духа» данного языка»... Удобство этой формулы состоит в том, что она широка и расплывчата. Под нее подойдут самые далекие грамматические и семантические типы слов: и слова-названия, и формальные, связочные слова, и междометия, и модальные слова. Ей не противоречит и употребление морфем в качестве слов...

Однако формула Сепира удобна, но малосодержательна. Она не уясняет ни предметно-смыслового содержания слова, ни способов выражения и кристаллизации этого содержания в слове. Она лишь направляет и обязывает к уяснению всех элементов смысловой структуры слова. Очевидно, что при всем многообразии грамматико-семантических типов слов в их конструктивных элементах много общего. Различны лишь сложность и соотношение разных смысловых оболочек в структуре слова, а также функциональное содержание и связанное с ним грамматическое оформление разных видов слов...

Не надо лишь придавать преувеличенное значение формальным противоречиям и переходным типам, а следует глубже вникнуть во все элементы смысловой структуры слова. Именно по этому пути шли такие замечательные лингвисты, как В. Гумбольдт, А. А. Потебня, Н. Я. Марр, Л. В. Щерба.

При описании смысловой структуры слова рельефнее выступают различия между основными семантическими типами слов и шире уясняется роль грамматических факторов в разных категориях слов. Пониманию строя слова нередко мешает многозначность

термина «значение». Опасности, связанные с недифференцированным употреблением этого понятия, дают себя знать в таком поверхностном и ошибочном, но идущем исстари и очень распространенном определении слова: «Словами являются звуки речи в их значениях» (иначе: «Всякий звук речи, имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющихся словами, есть слово»). Если бы структура слова была только двусторонней, состояла лишь из звука и значения, то в языке для всякого нового понятия и представления, для всякого нового оттенка в мыслях и чувствах должны были бы существовать или возникать особые, отдельные слова.

В действительности же дело обстоит не так. «Великим заблуждением, – говорит Ф. де Соссюр, – является взгляд на языковой элемент просто как на соединение звука с неким понятием. Определить его так – значило бы изолировать его от системы, в состав которой он входит; это повело бы к ложной мысли, будто возможно начинать с языковых элементов и из их суммы строить систему, тогда как на самом деле надо, отправляясь от совокупного целого, путем анализа доходить до заключенных в нем элементов». Но в языковой системе и звуки речи значимы, осмыслены. На это указывал еще В. Гумбольдт. Правда, «лишь в редких случаях, – говорил В. Гумбольдт, – можно распознать определенную связь звуков языка с его духом. Однако даже в наречиях (того же языка) незначительные изменения гласных, мало изменяющие язык в общем, по праву могут быть относимы к состоянию духа народа...». По мнению В. Гумбольдта, связь звуковой формы с внутренними языковыми законами достигает высшего предела в проникновении их друг другом...

Однако только в относительно редких случаях звукоподражаний, звуковых метафор и своеобразных звуковых жестов естественная связь звука и значения очевидна непосредственно... Но опосредствованная внутренними отношениями языка как системы разнообразных смысловых элементов, она может быть открыта по разным направлениям. Само понятие фонемы и фонологической системы языка основано на признании громадной роли звуковой стороны в смысловой структуре языка вообще и слова в частности. В этом отношении даже эксперименты футуристов не лишены принципиального значения. Ведь В. Хлебников искал «способа изучать замену значения слов, вытекающую из замены одного звука другим»...

...Слова, взятые вне системы языка в целом, лишь в их отношении к вещам и явлениям действительности, служат различными знаками, названиями этих явлений действительности, отраженных в общественном сознании. Рассматриваемые только под этим углом зрения слова, в сущности, еще лишены соотносительных языковых форм и значений. Они сближаются друг с другом фонетически, но не связаны ни грамматически, ни семантически. С точки зрения вещественных отношений связь между *стол* и *столовая*, между *гость*, *гостиница* и *угостить*, между *дуб* и *дубина*, между *жила* в прямом номинативном значении и глаголами *заселить*, *ужилить* и т. д. оказывается немотивированной и случайной.

...В той мере, в какой слово содержит в себе указание на предмет, необходимо для понимания языка знать обозначаемые словами предметы, необходимо знать весь круг соответствующей материальной культуры. Одни и те же названия в разные эпохи обозначают разные предметы и разные понятия. С другой стороны, каждая социальная среда характеризуется своеобразиями своих обозначений. Одни и те же предметы по-разному осмысляются людьми разного образования, разного мировоззрения, разных профессиональных навыков. Поэтому одно и то же русское слово как указание на предмет включает в себя разное содержание в речи разных социальных или культурных групп.

...Однако легко заметить, что далеко не все типы слов выполняют номинативную, или дефинитивную, функцию. Ее лишены все служебные слова, в смысловой структуре которых преобладают чисто грамматические значения и отношения. Номинативная функция чужда также междометиям и так называемым «вводным» словам. Кроме того, местоименные слова, хотя и могут быть названиями, но чаще всего являются эквивалентами на-

званий. Таким образом, уже при анализе вещественных отношений слова резко выступают различия между разными структурно-семантическими типами слов.

Переход от номинативной функции словесного знака к семантическим формам самого слова обычно связывается с коммуникативной функцией речи.

...Вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность. Но, конечно, то или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления. В сущности, сколько обособленных контекстов употребления данного слова, столько и его значений, столько и его лексических форм; при этом, однако, слово не перестает быть единым, оно обычно не распадается на отдельные слова-омонимы. Семантической границей слова является омоним. Слово как единая система внутренне связанных значений понимается лишь в контексте всей системы данного языка. Внутреннее единство слова обеспечивается не только единством его фонетического и грамматического состава, но и семантическим единством системы его значений, которое, в свою очередь, определяется общими закономерностями семантической системы языка в целом.

...В языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и классифицированы. Понятие бесформенного слова к современному русскому языку неприменимо.... Итак, понятие о слове как системе реальных значений неразрывно связано с понятием грамматических форм и значений слова.

Лексические значения слова подводятся под грамматические категории. Слово представляет собой внутреннее, конструктивное единство лексических и грамматических значений. Определение лексических значений слова уже включает в себя указания на грамматическую характеристику слова. Грамматические формы и значения слова то сталкиваются, то сливаются с его лексическими значениями...

...Предметно-логическое значение каждого слова окружено особой экспрессивной атмосферой, колеблющейся в зависимости от контекста. Выразительная сила присуща звукам слова и их различным сочетаниям, морфема и их комбинациям, лексическим значениям. Слова находятся в непрерывной связи со всей нашей интеллектуальной и эмоциональной жизнью.

Слово является одновременно и знаком мысли говорящего, и признаком всех прочих психических переживаний, входящих в задачу и намерения сообщения.

...Все многообразие значений, функций и смысловых нюансов слова сосредоточивается и объединяется в его стилистической характеристике. В стилистической оценке выступает новая сфера смысловых оттенков слов, связанных с их индивидуальным «паспортом». Стилистическая сущность слова определяется его индивидуальным положением в семантической системе языка, в кругу ее функциональных и жанровых разновидностей (письменный язык, устный язык, их типы, язык художественной литературы и т. п.). Дело в том, что развитый язык представляет собою динамическую систему семантических закономерностей, которыми определяются соотношения и связи словесных форм и значений в разных стилях этого языка. И в этой системе смысловых отношений функции и возможности разных категорий слов более или менее очерчены и индивидуализированы.

...Кроме того, необходимо помнить, что «периоды развития языка не сменяются поочередно, как один караульный другим, но каждый период создает что-нибудь новое, что при незаметном переходе в следующий составляет подкладку для дальнейшего развития. Такие результаты работы различных периодов, заметные в данном состоянии известного объекта, в естественных науках называются слоями; применяя это название к языку, можно говорить о слоях языка, выделение которых составляет одну из главных задач языковедения... Эти различные лексические и грамматические слои в каждой системе языка также подвергаются переоценке и приспособляются к живой структуре литературных стилей. Понятно, что стилистическую перекалфикацию проходят и лежащие за пределами литературного языка разные диалектные пласты речи. Конечно, указанием всех этих

функций и оттенков смысловая структура слова не исчерпывается. Так, не приняты в расчет «приращения смысла», которые возникают у слова в композиции сложного целого (монолог, литературного произведения, бытового диалога) или в индивидуальном применении, в зависимости от ситуации. Широкая область употребления слова, разные оттенки эмоционального и волевого воздействия, жанрово-стилистические различия лексики – все это сознательно оставлено в стороне. Все разнообразие присущих слову возможностей фразеологического распространения также не было предметом настоящего рассмотрения. За норму взято слово, свободно перемещаемое из одного словесного окружения в другое, в совокупности его основных форм и значений. От значений слова необходимо отличать его употребление. Значения устойчивы и общи всем, кто владеет системой языка. Употребление – это лишь возможное применение одного из значений слова, иногда очень индивидуальное, иногда более или менее распространенное. Употребление не равноценно со значением, и в нем скрыто много смысловых возможностей слова» (4, 13 – 23).

* * *

Противоположную точку зрения высказывал академик Л. В. Щерба, отмечая различие слов в разных языках: “В самом деле, что такое “слово”? Мне думается, что в разных языках это будет по-разному. Из этого собственно следует, что понятия “слово вообще” не существует” (48, 9).

Касаясь различия слов в разных языках, ему справедливо возражает в своей известной статье А. И. Смирницкий: “В одних языках... слова выделяются более или менее четкими фонетическими признаками (ударение, сингармонизм, законы конца слова и пр.); в других, напротив, фонетические признаки слова совпадают с тем, что мы находим у других образований (например, у морфем или, напротив, у целых словосочетаний). Все многообразие особенностей отдельных языков может, однако, несколько не препятствовать определению “слова вообще”, поскольку в этом многообразии выделяются и общие черты, выступающие как наиболее существенные признаки слова, при всех возможных отклонениях от типичных случаев” (37, 184).

Значимость слова для механизма языка хорошо отражается в обыденном, не лингвистическом понимании языка, который представляется чаще всего как набор и функционирование определенного количества разных слов. Носители языка без труда выделяют слово в потоке речи, для них оно является психолингвистической реальностью. Реальность и очевидность слов в языке хорошо показана в книге Э. Сепира “Язык”. Он в частности отмечает: “Языковой опыт... непререкаемо показывает, что... не бывает ни малейшей трудности осознать слово как психологически нечто реальное. Неопровержимым доказательством этого может служить тот факт, что у наивного индейца, совершенно непривычного к понятию написанного слова, никогда не чувствуется серьезного затруднения при диктовке ученому на родном языке слово за словом... Мне приходилось обучать толковых молодых индейцев письму на их родных языках... Я их учил только одному: в точности передавать звуки... При этом они несколько не затруднялись в определении границы слова” (36, 27—28).

Специальные исследования показывают, что слово выделяемо также в аморфных и полисинтетических языках, но при этом актуализируются различные психолингвистические критерии его выделения. Поэтому не без оснований многие лингвисты полагают, что “вопрос о слове — это вопрос о

системе языка” и что “в речевой цепи все — если не слово, то часть слова — и ничего помимо этого” (27, 164).

Ф. де Соссюр, отмечая разнообразие форм речи, заметил: “На первый взгляд кажется подходящим уподобить огромное разнообразие фраз не меньшему разнообразию особей, составляющих какой-нибудь зоологический вид; но это иллюзия: у животных одного вида общие свойства гораздо существеннее, нежели разъединяющие их различия; напротив того, в фразах преобладает различие, и если поискать, что же их связывает на фоне всего этого разнообразия, то натолкнешься, не желая этого, опять же на слово с его грамматическими свойствами” (38, 108). В другом месте, касаясь места слова в механизме языка, он более рельефно формулирует свою мысль: “Слово, несмотря на трудность определить это понятие, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму, нечто центральное во всем механизме языка” (38, 111).

Таким образом, центральное место слова в языке определяется, с одной стороны, тем, что оно выступает в качестве основного средства номинации предметов и явлений и в этой роли осуществляет связь человека с действительностью, другими людьми, являясь главным элементом высказываний. С другой стороны, центральное место слова в структуре языка характеризуется тем, что оно связывает воедино все единицы языковой системы — фонемы, морфемы, словосочетания, предложения, которые так или иначе рассматриваются в их отношении к слову. Одна из основных функций фонемы — различать смысл слов, морфемы являются компонентами слов, словосочетания и предложения складываются из отдельных слов. Все это делает слово центральной единицей языка.

Не ставя своей задачей давать определение слову, отметим, что изучение его структуры должно вестись, прежде всего, в направлении поиска общих постоянных элементов и их отношений, свойственных структуре каждого отдельного слова. Это позволяет сделать и само описание его структуры на начальном этапе анализа предельно простым, поскольку здесь мы отвлекаемся от многообразных связей, которые имеет слово в языке, от тех изменений и отклонений, которое оно приобретает в речи.

5.3. СТРУКТУРА СЛОВА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Уже на начальных этапах развития науки о языке было обращено внимание на двойственную природу структуры слова: план выражения и план содержания. Эти два аспекта структуры слова постоянно изучались на всем протяжении развития лингвистики. В разные периоды и в различных научных направлениях преобладало внимание к одной из отмеченных сторон.

В современном языкознании структура слова понимается неоднозначно. В работах русских и зарубежных языковедов, посвященных этой проблеме, существует многообразие точек зрения на сам объект и на аспекты его изучения.

А. Шлейхер считал, что “сущность слова, а тем самым и всего языка определяется тремя моментами: звуком, формой и функцией” (16, ч. 1, 111).

В. фон Гумбольдт полагал, что “под словами следует понимать знаки отдельных понятий”. По его мнению, “слог образует звуковое единство, но становится словом только тогда, когда получает значение, для чего часто необходимо соединение нескольких слогов”. “Таким образом, — считал В. фон Гумбольдт, — в слове всегда наличествует двоякое единство — звука и понятия” (14, 90). Он не проводит здесь четкого разграничения между значением и понятием, употребляя их как синонимы, хотя это не одно и то же.

А. А. Потебня рассматривал слово как “единство членораздельного звука и значения”, либо как “звуковое единство с внешней стороны и единство представления и значения с внутренней” (32, 35). В последнем случае, помимо звука и значения, он выделял в структуре слова еще один элемент — представление. В одной из своих работ Потебня пишет: “Всякое слово, без исключения, состоит из трех элементов: 1) членораздельного звука, без которого слово быть не может; 2) представления и 3) значения слова” (33, 123). Представление для Потебни — это знак значения, указание на значение, некий признак значения.

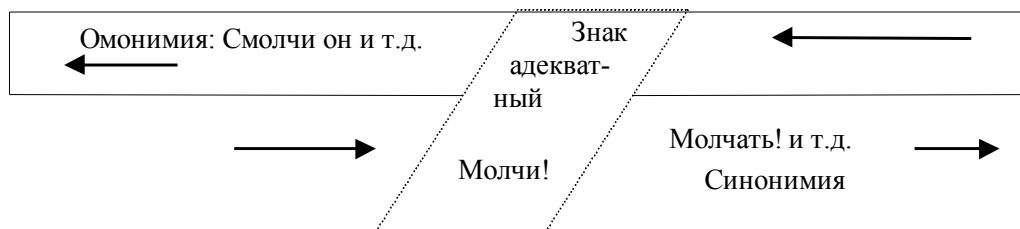
Ф. де Соссюр выделял в звуковом слове две взаимосвязанные стороны — означающее (акустический образ) и означаемое (понятие), называя это единство языковым знаком, что соответствовало его пониманию языка как психической сущности. По мнению Ф. де Соссюра, “языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ”, который “является не материальным звучанием, вещью чисто физической, а психическим впечатком звучания, представлением, получаемым нами о нем посредством наших органов чувств” (39, 99). Языковой знак в такой трактовке есть двусторонняя психическая сущность. Он сохраняет слово знак для обозначения целого и заменяет термины “понятие” и “акустический образ” соответственно терминами “означающее” и “означаемое”. По мысли Соссюра, новые термины имеют то преимущество, что отмечают противопоставление, существующее как между ними так и между целым и ими как частями этого целого (39, 100).

Представление о слове как языковом знаке является наиболее типичным в современной лингвистике. В структуре языкового знака выделяют два основных элемента — план выражения (означающее) и план содержания (означаемое), хотя некоторые лингвисты придерживаются концепции односторонности знака. В отличие от Ф. де Соссюра в русской лингвистике под планом выражения понимается не акустический образ слова, а его звуковая (материальная) или графическая оболочка. Например, Р. А. Будагов рассматривал слово как “сложное единство материального (звуки, формы) и идеального (значения)”. Е. М. Галкина-Федорук под идеальным понимала “значение слова, понятие”.

С. Карцевский под означающим понимал звучание знака, а под означаемым — его функцию. Дуализм структуры знака, по его мысли, имеет

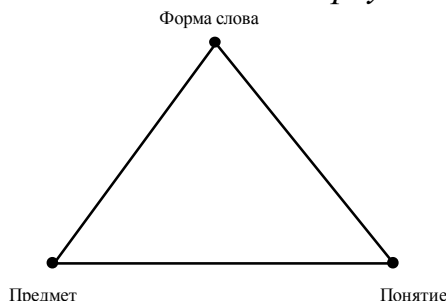
асимметричный характер: означающее стремится обладать иными функциями, чем его собственная, а означаемое стремится к тому, чтобы выявить себя иными средствами, чем его собственный знак. Асимметричный характер знака он иллюстрирует следующей схемой.

По мнению С. Карцевского, это пример асимметрии грамматической функции знака. Повелительное наклонение *молчи!* выявляет волевой акт говорящего. Однако эта форма может проявляться и в иной функции, например: *Смолчи он, и все бы обошлось*. Здесь уже действие, которое навязывается действующей особе, а повелительная форма *смолчи* выступает в качестве омонимичной к форме *молчи*. Повелительное наклонение *молчи* имеет и синонимичные формы — *молчать!*, *молчание!* и т. д. (16, ч. 2, 89—90).

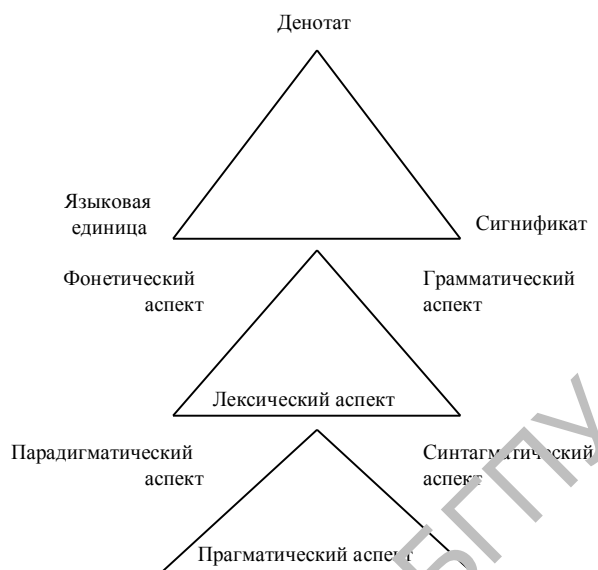
В качестве основных компонентов содержательной структуры отдельного слова обычно выделяются отношения между формой слова, предметом (денотатом, референтом) и понятием (смыслом, сигнификатом), восходящие еще к стоикам. Так, Секст Эмпирик отмечал: “Стоики утверждают, что три (вещи) между собой сопряжены — обозначающее, обозначаемое и объект. Из них обозначающее есть звук, например “Дион”; обозначаемое — тот предмет, выражаемый звуком, который мы постигаем своим рассудком, как уже заранее существующий, а варвары не воспринимают, хотя и слышат звук; объект — внешний субстрат, например, сам Дион. Из них две вещи телесны, именно звук и объект, одна бестелесна, именно обозначаемая вещь, и это есть высказываемое, которое бывает истинным и ложным” (1, 69). Эти отношения изображают в виде семантического треугольника, который составляет элементы структуры слова (40, 2).

Семантический треугольник

Отмеченные структурные элементы языкового знака — план выражения и план содержания — рассматриваются также в их отношении к отражаемой действительности (сигматический аспект), к носителям языка (прагматический аспект), к другим знакам в системе (семантический аспект) и к другим знакам в тексте (синтаксический аспект). Попытку выйти за рамки

классического семантического треугольника в определении содержательной стороны слова, связать воедино различные аспекты в его строении, предпринимает Б.А. Плотников, изображая структуру слова в виде нескольких, соприкасающихся друг с другом, треугольников (30, 35—52).

В иной графической форме отражает содержание слова Н. Г. Комлев (см. содержание слова в аспектах).

Слово (1) *a* не имеет лексического понятия, денотата и смысла, внутренней формы и значения. Тем не менее, это образование можно назвать словом (например, детские считалки), считает Н. Комлев.

Слово (2) *ab* охватывает акустический и звукотипологический аспекты, то есть имеет внутреннюю форму, но не имеет лексического понятия и денотата. Например, такие русские слова, как *плющильник*, *подчасок*, *поставный* и даже *каплеуказатель*, не дают никакого представления о лексическом понятии, а придуманное слово *стрекозёл* вообще не имеет, по терминологии Н. Комлева, лексического понятия. Последние образования встречаются редко, но их можно абстрагировать, считает автор типологии, в большом количестве лексических единиц природного языка.

Слово (3) *abc* — любое слово, которое не имеет денотата, но имеет лексическое значение, например, слово в словаре или вне контекста.

Слово (4) *abcd* — это слово в контексте, т. е. слово с полным содержанием.

Слово (5) *bcd*, по мысли Н. Комлева, — слово в мыслительной деятельности, когда индивид, оперируя лексическими понятиями, точно представляет звуковой образ слова и денотат.

Слово (6) *cd*. Наличие этого слова допускает знание семантической характеристики слова при отсутствии представления о знаке-звукотипе.

Слово (7) *bc*, по мнению автора типологии, — это соотнесенность внутренней формы с лексическим понятием. Такое слово не произносится, а только возобновляется в сознании без его соединения с денотатом.

И, наконец, слово (8) с автор классификации представляет как абстракцию, как слово-понятие, лишенное звуковой формы и денотата (18, 102—104).

Содержание слова в аспектах

Аспекты	a физический (акустический)	b Звукотипо- логический	c социально- информаци- онный	d предметно- типологиче- ский	e экстралин- гвистический
Области семантического исследования	семасиология				
			ономасиология		
Элементы содержания слова	знак		лексическое	денотат	действитель- ность
	звук	внутренняя форма	понятие		
		значение			
			смысл		
Параметры термина слова в аспектах	1				
		2			
		3			
			4		
			5		
				6	
			7		
			8		

Безусловно, представляется чрезвычайно важным при изучении структуры слова выявить все реально существующие и значимые для функционирования языковой системы не только элементы структуры слова, но также их связи и отношения. Выявить структуру объекта, отмечал Б. Рассел, значит, упомянуть его части и способы, с помощью которых эти части вступают во взаимоотношения. Существенным недостатком в изучении структуры слова является то, что исследователями не обозначаются все значимые элементы в его структуре и не прослеживаются их системные связи и отношения. Сами схемы, идеализации структуры носят в определенной степени произвольный характер, не имеют онтологического существования, соответствующей формы в действительности. При этом нередко тем или иным элементам или их отношениям, а также отклонениям в речи и языке придается преувеличенное значение, хотя здесь важны общие, постоянные элементы, рассматриваемые в их целостности, совокупности, в диалектическом единстве сходств и различий. Л. Ельмслев подчеркивал, что “лингвистическая теория должна искать постоянное, что делает язык языком, а не придавать исключительного значения изменениям и отклонениям в речи” (15, 269).

5.4. ДОДЕКАЭДРНАЯ СТРУКТУРА СЛОВА

Как известно, еще со времен Ф. де Соссюра лингвистика при рассмотрении феномена языка оперирует дихотомией “язык-речь”, в которой язык рассматривается как абстрактное, общее, а речь как конкретное, единичное; язык рассматривается как система знаков, речь — как реализация этой системы. Этой дихотомии соответствует дихотомия “слово-словоформа”. Структурными элементами слова как единицы языка являются фонема, морфема, лексема и семема, а словоформы как единицы речи — аллофон, алломорф, аллолекс и значение. При этом единицы языка соотносятся с понятием как абстрактным образованием, а единицы речи — с образом как конкретным воплощением. Ясно, что такое разграничение в известной степени условно, поскольку все существует и функционирует только в целостном виде, хотя отдельные проявления допускают использование только части системы.

Чтобы правильно отразить структуру слова в наглядной модели, нужно учесть ряд факторов, соблюсти ряд начальных условий. Прежде всего, модель должна иметь онтологический статус, бытийное существование. Применительно к лингвистическому аспекту модели это означает, что она должна непротиворечиво отражать основные характеристики слова и языка как феноменов. Элементы фигуры и их отношения должны соответствовать установленным элементам и отношениям в слове и языке, то есть схема не задает, а только отражает определенные характеристики исследуемых явлений, помогает в наглядной форме осмыслить их сущность. При этом могут проявиться скрытые качества и свойства объекта.

К числу фундаментальных структурных характеристик языка и слова необходимо отнести их двойственность как феноменов — язык-речь, слово-словоформа, симметрично-асимметричный характер языкового знака, а также наличие синтагматических (горизонтальных) и парадигматических (вертикальных) отношений. Единицы, которые вступают в эти отношения, перечислены выше.

Исходя из фундаментальных структурных характеристик языка и слова, нужно найти такой геометрический образ, который бы непротиворечиво включал фундаментальные свойства исследуемого объекта. Поскольку слово и словоформа выступают как два объекта одного и того же сорта, класса и в то же время как единое целое, то существуют определенные геометрические законы при построении таких структур.

Во-первых, два объекта допустимо считать объектами одного и того же сорта, если один из них можно преобразовать в другой так, что совпадут не только элементы симметрии, но и сетки объектов (42, 220—221).

Во-вторых, объект “слово-словоформа” необходимо считать правильным объектом, поскольку он составлен из равных частей (в математическом смысле), равно расположенных относительно других частей. Из равенства частей и их равнорасположенности следует, что для любых двух частей, как бы мы их ни выбирали, всегда существует движение (операция симметрии), которое переводит одну часть в другую, а весь объект в себя (42, 219). Таким образом, геометрическая фигура должна допускать возможность осуществ-

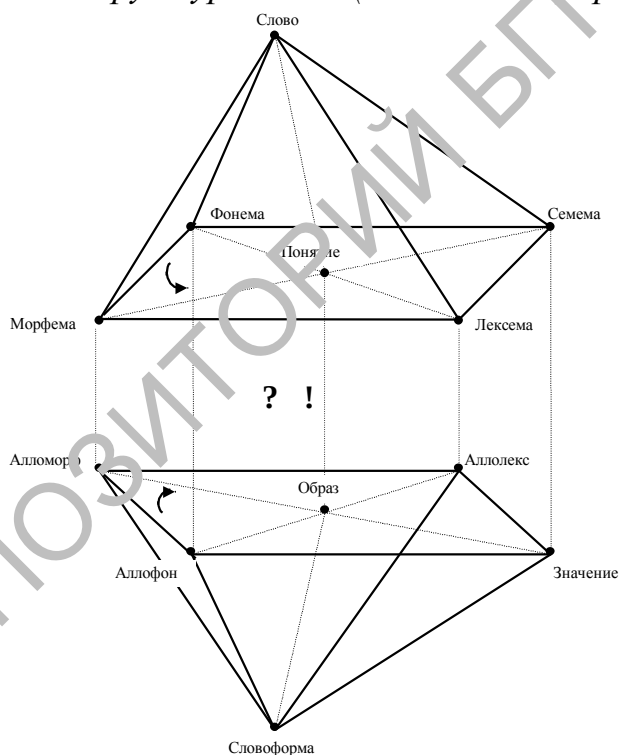
ления поворотной симметрии, которая бы переводила, например, фонему в морфему, морфему в лексему и т. д., а при осуществлении полного поворота — все элементы в слово.

Еще одна особенность структурного построения будет определяться тем, что объект “слово-словоформа” допускает разбиение на две структурно равные зеркальные половинки, то есть обладает зеркальной симметрией.

Слово и словоформа как объекты принадлежат к самому большому классу структур, поскольку объединяют все слова и словоформы разных языков. А самый большой класс структур обычно характеризуется моноклинной симметрией, то есть не более чем одной осью, одной зеркальной плоскостью плюс центр симметрии (42, 7).

Все перечисленные условия соблюдаются в следующей геометрической фигуре (см. схему 1).

СХЕМА 1
Структура слова (слово-словоформа)

Фигура представляет собой не платоновский правильный додекаэдр, а нечто иное: две пирамиды с четырехугольными основаниями, создающие в середине “куб”. Объект “слово-словоформа” как цельное образование имеет в ней двойственную структуру, которая состоит из фундаментальных единиц языка (слово, фонема, морфема, лексема, семема) и речи (словоформа, аллофон, алломорф, аллолекс, значение), что точно отражает фундаментальную структурную особенность языка — дихотомию “язык-речь”. Вместе с тем полученный геометрический образ точно выявляет и внутреннее структурное строение слова и словоформы, элементы которых связываются в целое в соответствующих точках — “слово” и “словоформа”.

Верхняя и нижняя пирамиды представляют собой билатеральную зеркальную симметрию: элементы каждой из пирамид описываются в разных системах координат — левой и правой. Движение сигнала в верхней пирамиде, если смотреть со стороны наблюдателя, осуществляется против часовой стрелки, в нижней — по часовой стрелке, что вытекает из линейного характера означающего в слове и соответственно соотносится с различными системами координат: в верхней пирамиде — с левой, в нижней — с правой. Каждая из пирамид образует “моноклин” с одной осью поворотной симметрии, одной зеркальной плоскостью, которая проходит через основания пирамид, и одним центром симметрии. Каждый из объектов — слово и словоформа — составлен из равных частей (в математическом смысле), равно расположенных относительно остальных частей и допускает осуществление поворотной зеркальной симметрии. Например, при разворачивании слова *домик* в линейную цепь (с математической точки зрения, описание окружности вокруг поворотной оси) фонемы переводятся в морфемы, морфемы в лексему, лексема в семему (фонема → морфема → лексема → семема), и в последней фонеме это движение возвращается к себе в целом — актуализируется слово; соответственно осуществляется зеркальное движение элементов словоформы и ее актуализация, при этом реализуются парадигматические отношения структурных элементов объекта, обозначенные на схеме пунктирной линией. Вместе с тем фигура является симметрично/асимметричной, так как каждая из пирамид отличается одним из элементов — в верхней семема, в нижней значение; согласно реалистическим законам такая фигура должна считаться асимметричной, хотя при этом элементы фигуры и их сетки совпадают.

Семема и значение образуют между собой зеркальные пары, однако это не тождественные единицы. Дифференциальные семы в семеме обладают множественностью признаков (не менее двух), в значении реализуется только один признак. Например, семема <родство> имеет в своем составе дифференциальную сему <пол (мужской—женский)>. При реализации в значении в каждом конкретном случае используется дифференциальная сема с одним признаком — <мужской> или <женский>. А это порождает отличия не только в содержании, но и в форме слова. Так, реализация семы <мужской> или <женский> (при совпадении остальных признаков) в терминах родства порождает слова с соответствующими означающими: *мать* или *отец*, *сын* или *дочь*, *брат* или *сестра* и др. Отсутствие тождества между семемой и значением делает геометрическую фигуру асимметричной. Асимметричность языкового знака, таким образом, необходимо считать его фундаментальным свойством.

Объект “слово-словоформа” разбит на две равные зеркальные половинки. Каждая из половинок имеет свою плоскость зеркального отражения, которая представляет собой идеальное зеркало. Понятие идеального зеркала разработано в кристаллографии. В отличие от реального зеркала две стороны идеального зеркала способны отражать. Идеальное зеркало прозрачное и не имеет толщины. Система отражений в додекаэдрной структуре еще более ус-

ложняется, если учесть, что каждая из пирамид имеет две внутренних зеркальных плоскости: в верхней пирамиде одна плоскость проходит через точки “фонема — слово — лексема — понятие”, вторая — через точки “морфема — слово — семема — понятие”; в нижней пирамиде одна плоскость проходит через точки “аллофон — словоформа — аллолекс — образ”, а вторая — через точки “алломорф — словоформа — значение — образ”.

Реальность существования таких идеальных зеркал можно показать на следующем примере. Так, в лексеме *профессор* начальная фонема <п> и конечная <р> должны отражаться одна в одной, что дает возможность воспринимать лексему как целое. Осуществляется это через зеркало “морфема — слово — семема — понятие”, которое придает лексеме определенное содержание. Морфемы — корневая и нулевая — и семема слова *профессор* также должны отражаться одна в одной, что дает возможность правильно осмыслить его, и осуществляется это осмысление через зеркало “фонема — слово — лексема — понятие”. Как уже отмечалось, идеальное зеркало в отличие от реального прозрачное и не имеет толщины.

Таким образом, геометрический образ “слово-словоформа” по своей сущности является идеальным объектом, чистой сущностью, но это реальный объект, поскольку он представляет собой структурированную реальность сознания. Элементы верхней пирамиды структурируют понятия, нижней — образы. Следует заметить, что структура идеального в языке достаточно многослойна. Она включает в себя энергию сознания — дух, энергию мышления — мысль, которые формируют идеальные же элементы языка, именуемые его внутренней формой. В физическом плане энергия сознания представляет собой непрерывный поток нулевых световых волн, обладающих энергией и импульсом. Этот непрерывный поток сознания трансформируется мозгом человека в непрерывный поток психических волн со своей энергией и импульсом. В процессе словесного мышления и поток сознания, и психический поток речевым импульсом дробятся на части: мысль, хаотичная по своей природе, расчленившись на части, по необходимости формируется и уточняется. Своей идеальной стороной додекаэдрная структура служит мостом между сознанием и психикой, трансформируя потоки сознания в мышление, а психические потоки превращая в факты сознания.

5.5. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СЛОВА

Все единицы додекаэдрной структуры слова могут рассматриваться в различных аспектах — онтологическом, физическом, философском, физиологическом, математическом, лингвистическом. Это поможет более полно и точно раскрыть их сущность. При этом следует иметь в виду троякий феномен языка: язык — речь — речевая деятельность. В нем минимальная фонетико-фонологическая единица будет представлена тремя элементами: фонемой — аллофоном — звуком, составляющими единое целое.

В онтологическом плане фонема и аллофон — это идеальные сущности, которые структурируют сознание и мышление, то есть придают им опреде-

ленную форму. Эти идеальные сущности так же реальны, как реально наше сознание и мышление.

В физическом смысле фонемы представляют собой нулевые волны разной конфигурации, а аллофоны – образы этих волн. Нулевые волны и образы представляют собой энергию сознания – дух и энергию мышления – мысль. Звук являет собой физическое, то есть акустическое и артикуляционное воплощение этой энергии, которое воспринимается органами чувств и регистрируется и измеряется приборами.

С философской точки зрения, фонема есть общее, аллофон – особое, отдельное, а звук – единичное, в котором воплощаются это общее и отдельное.

В физиологическом плане различие между тремя рассматриваемыми элементами заключается в том, что фонемы привязаны к нейронным сетям левого полушария мозга, аллофоны – к нейронным сетям правого полушария, а звуки – к работе органов произносительного аппарата.

Различие между фонемой и аллофоном можно хорошо проиллюстрировать, обратившись к математическим понятиям теории множеств. Фонема представляет собой континуум (от лат. *continuum* – непрерывное) – непрерывную совокупность, эквивалентную прерывной (дискретной) совокупности всех аллофонов. Например, непрерывная совокупность фонемы <о> (в письменном варианте – графемы о) складывается из исчисляемого количества аллофонов (в письменном варианте – аллографов), представленных следующими зрительными образами: <о>, <^>, <ъ>. Фонема выступает, таким образом, как множество, а аллофон как подмножество этого множества, так как каждый его элемент принадлежит фонеме. Фактически аллофон можно также рассматривать как множество, состоящее из ряда подмножеств: <о> – первое подмножество <о, о, О, О, О, О, О>, <ъ> – второе подмножество <ъ, ъ, ъ, Ъ, Ъ, Ъ, Ъ>, <^> – третье подмножество <^, ^, ^, ^, ^, ^, ^>. Элементы каждого подмножества могут группироваться по тем или иным признакам, например, <о-О, о-О, о-О, о-О, о-о-о-о, О-О-О-О> и т. д. Каждое из этих подмножеств складывается, в свою очередь, из бесконечного множества звуков, находящихся сколь угодно близко к эталону – фонеме. Иными словами, каждый вариант фонемы реализуется в миллионах и миллиардах звуков, употребленных в многочисленных высказываниях носителей соответствующего языка, поскольку нельзя воспроизвести в точности один и тот же звук даже одним лицом.

Фонологическая система языка в этом случае предстает как объединение множеств (фонем и аллофонов), их непрерывно-прерывная совокупность, фонетическая – как прерывная совокупность. Отдельную фонему следует рассматривать как множество (класс), ее аллофоны – как подмножество этого класса, а их звуки – как конкретные единицы, составляющие эти подклассы и класс единиц. Различия между членами множества не ведут к изменению значения слова или морфемы, в составе которых наблюдаются аллофонические чередования и изменения звука.

С лингвистической точки зрения, противопоставление фонема – аллофон входит в структуру языка. Другими словами, фонемы и аллофоны вместе с другими парными элементами языка (морфемой – алломорфом, лексемой – аллолексом и т.д.) образуют его структуру, которая имеет геометрический образ в виде двенадцатигранника. Звук возникает при функционировании структуры – в речевой деятельности. При этом нужно иметь в виду, что все три элемента (фонема – аллофон – звук) тесно между собой связаны и друг другом обусловлены, и только в описательных целях их можно рассматривать по отдельности. В лингвистическом плане фонему в этом единстве определяют чаще всего как минимальную языковую единицу, представленную всем рядом позиционно чередующихся звуков и служащую для складывания и различения слов и морфем. Позиционно чередующиеся звуки – это аллофоны, или варианты одной фонемы, которые, как правило, не встречаются в одной позиции. Например, в словах *воды, вода, водяной* фонема <о> в корне слов представлена аллофонами <о>, <^>, <ь>, которые зависят от места ударения в слове. Фонема, таким образом, представляет собой инвариантную (от лат. *invariants* – неизменяющийся) единицу языка, не зависящую от конкретных условий ее реализации. Этот инвариант обладает совокупностью основных признаков всех ее конкретных реализаций и тем самым объединяет их.

В лингвистическом плане фонему обычно понимают как минимальную смысловозначительную единицу языка. У фонем в языке важное назначение – складывать и различать разные слова и морфемы. Например, слова *дом, ком, ром, сом, том* сложены из трех фонем, но различаются они между собой лишь одной первой фонемой. Фонемы способны различать морфемы, слова и формы слов независимо от их конкретного облика. Например, в словоформах *город – города* в первом слове звук [д] оглушается на конце слова в [т], однако его относят, как и во втором случае к фонеме <д>, поскольку в первой словоформе оглушение связано с действием фонетического закона в русском языке. Отдельные морфемы могут выражаться в разных случаях разным составом фонем. Например, *бег-у* и *беж-ишь, леч-у* и *лет-ишь* имеют соответственно одну и ту же корневую морфему в двух фонетических разновидностях: *бег/беж, леч/лет*. Ряд чередующихся фонем в составе одной морфемы обозначают термином морфонема. Таким образом, в одних произносительных условиях фонемы не меняют своего звучания, а в других – меняют.

Как вытекает из схемы 1, фонемы структурируют понятия, аллофоны — образы.

Классические представления о фонеме основываются на том, что фонемы, как и аллофоны, не имеют своего значения, семантического содержания, понятия. Вместе с тем многие предшествующие и современные языковеды придавали и придают звуковой стороне языка самостоятельный смысл.

Сократ, говоря о смысле отдельных звуков человеческого языка, утверждал: “*R* представляется мне средством выражения всякого движения... *i* — для выражения всего тонкого, что могло бы проходить через вещи, *L* —

для выражения скользкого, гладкого” (1, 50). Эту же мысль развивает Дионисий: “*Л* ласкает слух: из всех полугласных она самая сладостная; раздражает слух *ро*, из всех однородных ей букв она самая крепкая. Среднее действие на слух производят произносимые через нос буквы *ми* и *ни*, звучащие наподобие рога. Некрасива и неприятна *сигма*. Слышимая в большом количестве, она страшно мучительна: ее свист ближе звериному, бессловесному голосу, чем говоримой речи” (1, 211).

М. В. Ломоносов в своем наставлении по красноречию так определял понятийно-смысловое содержание гласных звуков: “В российском языке, как кажется, частое повторение письмени *а* способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины, также и внезапного страха; учащение письмен *е, и, ѣ, ю* — к изображению нежности, ласкательства, плачевных или малых вещей; через *я* показать можно приятность, увеселение, нежность и склонность; чрез *о, у, ы* — страшные и сильные вещи: гнев, зависть, боязнь и печаль” (23, 241).

Различные понятийно-смысловые качества выделял он и в согласных звуках: “Из согласных письмен твердые *к, п, т*, и мягкие *б, г, д* имеют произношение тупое, и нет в них ни сладости, ни силы, ежели другие согласные к ним не припряжены, и поэтому могут только служить в том, чтобы изобразить живые действия тупые, ленивые и глухой звук имеющие, каков есть стук строящихся городов и домов, от конского топоту и от крику некоторых животных. Твердые *с, ф, х, ц, ч, ш* и плавкое *р* имеют произношение звонкое и стремительное, для того могут спомоществовать к лучшему представлению вещей и действий сильных, деликих, громких, страшных и великолепных. Мягкие *ж, з* и плавкие *в, л, м, н* имеют произношение нежное и потому пристойны к изображению нежных и мягких вещей и действий, равно как и безгласное письмо *ь* отончением согласных в середине и на конце речений” (23, 241).

Такие примеры можно множить. Современные исследователи, основываясь на изучении конкретного материала многочисленных языков, установили, например, что в словах, которые обозначают нечто маленькое, преобладают фонемы <*i, e, y, t, p, l, s, k, n*>, а в словах, которые обозначают все большое, чаще встречаются фонемы <*a, o, u, b, d, r, g*> (19, 75).

Звукосимволический смысл отличают и у отдельных слов, предложений, а также в целых текстах, например, в стихотворениях, в которых часто используется символика звуков. Противоречивость того, что якобы фонемы, как и аллофоны, не имеют своего значения, семантического содержания, понятия, выявлялась некоторыми лингвистами уже на уровне однофонемных служебных слов.

В. М. Жирмунский, например, отмечал, что в семантическом отношении служебное слово, например, предлог *в*, обладает, помимо своей грамматической функции, известным минимумом лексического значения, присущего и служебным словам в отличие от морфем: оно обозначает ‘внутри чего-нибудь’ в отличие, скажем, от *с*, означающего ‘вместе с чем-нибудь, или кем-нибудь’. Однако это распространяется не только на однофонемные служеб-

ные слова, но и на все фонемы, аллофоны, звуки определенного языка. Их значение как содержательный признак заключается прежде всего в том, что они члены языковой системы, ее фонетической и фонологической подсистем. Конкретное же лексическое значение, к примеру, определенной фонемы характеризуется набором общих и различительных признаков, делающих ее единичным членом системы, что характерно для любого элемента любой системы. Так различаются между собой *стол* и *стул*, *дом* и *комната* и пр. И лексикографическое определение, например, слова *дом* как ‘жилое помещение, квартира’, которое характеризуется набором определенных признаков предмета и фигурирует в качестве одного из лексических значений этого слова, ничем не отличается в концептуальном и психическом планах от определения, скажем, фонемы <a> русского языка как гласной среднего ряда нижнего подъема, которое и является ее лексическим значением. В понятийном же плане описанию этой фонемы соответствует значительный семантический объем. Говоря о содержательной стороне фонетических единиц языка, звуковой материи, Б. А. Плотников пишет: “Иногда считается, что едва ли не единственным видом связи фонетической формы и содержания в языке являются звукоподражания, составляющие в любом языке хотя и относительно небольшую, но устойчивую и обязательную его часть. Однако мотивированные связи между звуковой материей и содержанием языка представляются более разнообразными, тонкими, глубокими, проникающими почти во все сферы и слои языкового содержания” (31, 24). Это замечание относится и к фонологическим единицам языка — фонемам и аллофонам. Как следует из схемы, фонема образует комплементарные (взаимосоответствующие) пары с лексемами, а аллофоны — с аллолексами. Между собой фонема и аллофон находятся в парадигматических отношениях.

Морфема рассматривается, подобно фонеме, как абстрактный инвариант, которому может соответствовать несколько конкретных вариантов — алломорфов. Отношения алломорфа к морфеме тождественны отношениям аллофона к фонеме во всех рассмотренных выше аспектах. В лингвистическом плане вариативность морфемы, чередование звуков в ней связываются с позицией морфемы. Морфема в зависимости от своей позиции в слове — грамматической или фонетической — может выступать в качестве как грамматического, или морфологического, варианта, так и фонетического алломорфа. Например, в русском *носить* — *ношу* корневая морфема находится в грамматической позиции (форма инфинитива — форма настоящего времени), которая вызывает чередование звуков: алломорфы *нос* — *нош*. Корневые алломорфы [в□д — вод] в словах *вода* — *вóды* зависят от фонетической позиции — ударения в словах. Морфема может не иметь материального средства выражения, и в этом случае говорят о нулевой морфеме. Например, значение именительного падежа слова *дом* создается отсутствием флексии и противопоставлением этого отсутствия флексиям косвенных падежей, исключая винительный. Морфема и алломорф находятся между собой в парадигматических отношениях.

Морфема трактуется как двусторонняя единица, в которой за определенной фонетической формой (означающим) закрепляется определенное содержание (означаемое). Морфемы образуют комплементарные пары с семемами, а алломорфы со значениями, поэтому эти единицы обладают значениями и в них выделяют определенные семы. Например, в слове *читатель* морфема (алломорф) *-тель* имеет значение “лицо, которое выполняет действие по глаголу читать”. Одновременно эта морфема имеет сему <лицо>: *читатель, деятель, писатель, слушатель* и др. Материализуются морфемы и алломорфы в определенных комплексах звуков или в отдельных звуках. Этот материализованный вариант также должен иметь свое обозначение. Здесь возможно использование термина “морф”, хотя традиционно он употребляется как синоним к термину “алломорф”. Для удобства обычно пользуются термином “морфема”, имея в виду все сложное строение этой единицы: морфема — алломорф — морф.

Отношения лексемы к аллолексу подобны отношениям рассмотренных выше единиц: фонемы к аллофону, морфемы к алломорфу. В лингвистическом смысле аллолексы представляют собой формальные и лексико-семантические варианты одной и той же лексемы, например: *компас — компас, застывать — стихать, калоша — галоша* и т. д. Разграничение понятий “лексема” и “аллолекс” дает возможность выделять парадигматические свойства слова. Например, аллолексы *дом — дома — дому — домом* и т. д. не считаются отдельными лексемами, а образуют парадигму одной лексемы. Слово, таким образом, это совокупность определенных лексем, а словоформа — совокупность определенных аллолексов. Как и другие единицы языка-речи, лексема и аллолекс находятся между собой в парадигматических отношениях. Материализуются эти единицы в речевой деятельности через определенные комплексы звуков или отдельные звуки, которые можно обозначить термином “лекс”. В наиболее доступной, хотя и несколько упрощенной, форме различие между этими тремя единицами может быть сформулировано следующим образом: лексема — это часть слова без семемы; аллолекс — это часть словоформы без значения; лекс — это часть словоупотребления без семемы и значения. Во всех случаях речь идет о форме выражения смысла. Часто в лингвистике термином “лексема” обозначают материальную сторону слова, противопоставляя лексему значению как содержательной части слова.

Следующая пара единиц — семема и значение, находящиеся между собой в парадигматических отношениях, — трактуются в языкознании как единицы плана содержания. Они выступают как сложные единицы, содержание которых определяется и описывается с помощью самых простых составляющих, — сем. Главной в структуре семемы является архисема — родовая сема, которая отражает общие категориальные свойства и признаки определенного класса предметов и явлений. Например, в терминах родства выделяется архисема <родственник>; в свою очередь эта архисема описывается рядом дифференциальных сем: <пол (мужской — женский)>, <родство (кровное — некровное, прямое — не прямое)>, <поколение (первое — второе)> и т. д. Значение конкретного слова актуализируется определенными семемами из их

возможного набора. Например, значение слова *отец* ‘мужчина в отношении к своим детям’, которому также принадлежит архисема <родственник>, складывается из ряда конкретных дифференциальных сем: <мужской пол>, <кровное родство>, <прямое родство>, <первое поколение> (22, 437).

Отличия между семемой и значением как между абстрактным и конкретным хорошо отражаются и на грамматическом уровне как соотношения между грамматической категорией и грамматическим значением. Так, категория рода (архисема <грамматический род>) реализуется в русском языке через три грамматических значения (три дифференциальных семы) — мужской род, женский род, средний род; категория числа (архисема <грамматическое число>) — через значения единственного числа и множественного числа и т. д. Семема и значение находятся между собой в парадигматических отношениях.

Как уже отмечалось, хотя семема и значение и образуют между собой зеркальные пары, однако это не тождественные единицы. Дифференциальные семы в семеме обладают множественностью признаков (не менее двух), в значении реализуется только один признак. Отсутствие тождества между семемой и значением делает геометрическую фигуру асимметричной.

И последняя пара единиц — слово и словоформа — объединяет в целое все рассмотренные выше единицы, составляющие их структуру. Представленная в виде геометрического образа со строго установленным каждому элементу местом эта структура составляет внутреннюю (идеальную) форму слова. Фактически это структура сознания любого человека независимо от языка, которым он пользуется. Само слово, как и любая другая единица языка, выступает здесь в двояком единстве: слово – словоформа – словоупотребление, где слово – единица языка, словоформа – единица речи. Совокупное содержание всех элементов делает содержательную сторону слова явлением сложным и многогранным. Еще А.А. Потебня различал в слове содержание, свойственное только ему одному, и содержание, присущее наравне с ним многим словам. Содержание, свойственное только данному слову в отличие от всех других слов, называют лексическим значением. Общее с другими словами содержание является либо словообразовательным, либо грамматическим значением слова, либо придает слову дополнительную стилистическую окраску.

Семантикой обладают все структурные единицы слова (соответственно и языка), так как они образуют системно-структурное целое, что ярко иллюстрирует геометрический образ слова. Семантика единиц, представленных в геометрической фигуре, распадается на две сферы – понятийную и образную. Понятийная семантика свойственна единицам языка, образная – единицам речи. Их различие можно показать на примере фонемы < а >. Ее понятийное содержание описывается единицами смысла, соотносимыми с понятием: семемой <фонема – нефонема>, архисемой <гласная – негласная>, семами <ряд> – передний, средний, задний, <подъем> – верхний, средний, нижний, <лабиализация> – лабиализованная – нелабиализованная фонема. С физиче-

ской точки зрения, понятийное содержание фонемы <a> воплощено в нулевой волне определенной формы, обладающей своей энергией и импульсом. Образное содержание описывается единицами смысла, соотносимыми с образом: значением с дифференциальными семами – <гласная фонема, средний ряд, нижний подъем, нелабиализованная>. Образное содержание этой фонемы воплощено, с одной стороны, в образе нулевой волны, а с другой стороны – в акустическом образе звука [a] как физической волны; кроме того, звук [a] имеет собственный двигательный образ, связанный с его артикуляционными характеристиками. Для письменной речи важен зрительный образ этой фонемы, который формируется на основе начертаний буквы *a*.

Таким образом, семантика пронизывает все единицы языка, поскольку каждая из них информативна, то есть несет свое собственное содержание, смысл, как информативно в языке и отсутствие той или иной единицы, то есть нуль.

К плану содержания слова относят часто только его значение, смысл. Однако при этом нужно иметь в виду, что все формальные элементы слова имеют свое содержание, о чем говорилось при их рассмотрении, и только совокупное содержание всех элементов составляет смысл слова как целого. Лишь в описательных целях совокупное целое, непрерывное дробится на составляющие его элементы, которые, в свою очередь, тут же пытаются превратиться в целое, совокупное, вернуться в универсум, из которого они были вырваны исследовательской мыслью.

Через соотношения слова и словоформы и их элементов реализуются парадигматические отношения в слове и языке. Синтагматические (линейные) отношения возникают через соотношения элементов внутри слова или словоформы и при развертывании слова через словоформу в линейную цепь при продуцировании высказывания.

5.6. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ И СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СЛОВЕ

Отношения между элементами во внутренней форме слова оказываются в структурном отношении достаточно сложными. Выделяются, по крайней мере, два их типа: горизонтальные, или линейные, и вертикальные, или парадигматические. В слове первый тип отношений состоит из линейной последовательности фонем, морфем, лексем и семем. Линейная последовательность этих единиц, соотнесенная с понятием, образует слово как целое. В словоформе первый тип отношений включает в себя линейную последовательность аллофонов, алломорфов, аллолекса и значения. Линейная последовательность данных единиц, соотнесенная с образом, образует словоформу как целое. Линейные отношения единиц языка называют также синтагматическими. Например, в слове *профессор* в линейных, синтагматических, отношениях состоят фонемы и морфемы внутри лексемы, а также аллофоны и алломорфы внутри аллолекса, следующие в определенной последовательности друг за другом. Перестановки в линейной последовательности не допускаются, иначе искажается или изменяется смысл слова. Кроме того, в слове

как целом в линейных отношениях с другими элементами состоит семема, а в словоформе – значение. Во внешней линейной цепи семеме и значению соответствует нулевая линейная позиция. Формально она, как правило, отмечается в письменной речи пробелами, а в устной – разрывами звучания, выделяющими слово и словоформу как целое. Пробелы и разрывы звучания помогают опознавать слово целиком и тем самым осознавать его смысл.

Между единицами слова и словоформы существуют не линейные отношения, а ассоциативные (вертикальные) отношения, которые называют также парадигматическими (от греч. *paradeigma* – пример, образец). В парадигматических, ассоциативных, отношениях состоят между собой слово и словоформа и их элементы: фонемы с аллофонами, морфемы с алломорфами, лексемы с аллолексами, семемы со значениями. Эти отношения ярко проявляются, например, при склонении существительных, то есть в парадигме склонения, что дает возможность выделять у слова его словоизменительные элементы, а также говорить об аллолексах как вариантах лексемы, образующих ее парадигму.

Суть акта речи при произнесении конкретного слова заключается в том, что из возможных вариантов формы слова реализуется только один из вариантов, и тем самым отрицаются его иные варианты, которые заложены в языковой системе.

Синтагматические и парадигматические отношения реализуются как внутри слова, так и при сочетании его с другими словами. Так, буквы (или звуки) в словах *профессор* и *читает* находятся между собой в синтагматических отношениях, соединяются одна с одной в определенной последовательности. Перестановки здесь не допускаются, иначе смысл слов будет потерян. В границах предложения в русском языке синтагматическое комбинирование слов не такое жесткое, является более свободным и допускает определенные перестановки при сохранении смысла высказывания, например, *читает профессор*.

Парадигматическое комбинирование единиц во всех случаях является имплицитным (скрытым), кроме случаев в учебных целях — склонение, спряжение и т. д. отдельных слов. Однако чтобы построить высказывание *профессор читает*, необходимо из репертуара русского алфавита (или фонетического строя языка) выбрать нужные буквы (или звуки) и определить соответствующие грамматические формы. Это осуществляется в сознании индивида автоматически. Парадигматические отношения существуют как внутри слова (например, формы склонения или спряжения одного и того же слова), так и между различными словами (например, разные слова относятся к одному и тому же типу склонения или спряжения).

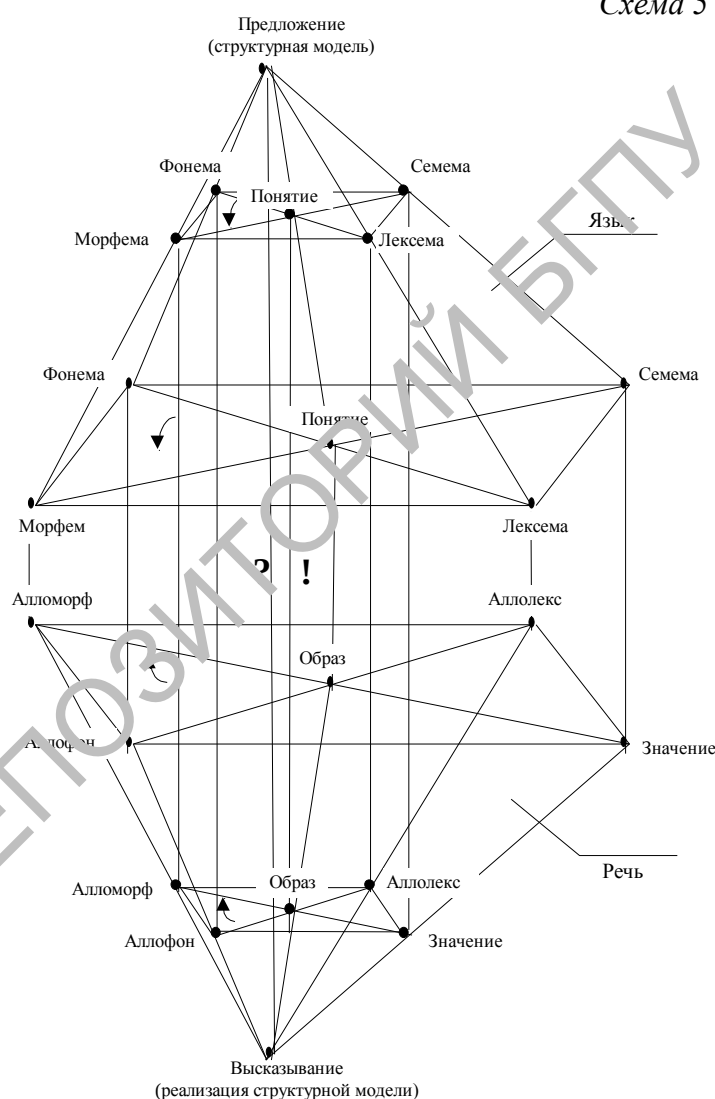
Схематически существующие между двумя словами отношения можно изобразить следующим образом (см. схему 2). Отношения между словами и их элементами, как и между словоформами и их элементами, обозначенные на схеме сплошной горизонтальной линией, есть так называемые синтагматические отношения. Отношения между словами и словоформами, как и между их элементами, обозначенные пунктирными линиями, пред-

ставляют собой так называемые парадигматические отношения. Отношения между словами и их элементами, как и между словоформами и их элементами, обозначенные наклонной сплошной линией, также представляют собой парадигматические отношения.

Если рассматривать верхнюю пирамиду как совокупность всех слов и возможных вариантов их комбинирования, то ее можно условно обозначить как “язык”, нижнюю — как совокупность реализованных вариантов — как “речь”.

СТРУКТУРА СЛОВА (ЯЗЫК — РЕЧЬ)

Схема 5

Следует заметить, что, поскольку речь формирует язык, язык реализуется в речи, в языке ничего нет ничего, чего бы не было в речи. Исследуя совокупность речевых фактов, мы тем самым постигаем систему языка, стоящего за ними. Единство языка и речи, отражение языка как целого уже в малом — слове или предложении, хорошо подметил В. фон Гумбольдт: “Сущность языка непрерывно повторяется и концентрически проявляется в нем самом; уже в простом предложении, основанном на грамматической форме, видно ее завершенное единство, и так как соединение простейших

понятий побуждает к действию всю совокупность категорий мышления, где положительное есть отрицательное, часть — целое, а единичное — множественность, следствие — причина, случайное — необходимое, относительное — абсолютное, измерение в пространстве — определение во времени, где одно ощущение находит себе отклик в другом, то как только достигается ясность и определенность выражения простейшего соединения мысли, в изобилии слов оказывается представленным язык как целое. Каждое высказанное образует еще не высказанное или подготавливает его” (16, ч. 1, 74).

С точки зрения формирования слова и языка, генетически слово предшествует языку. Это наглядно проявляется при формировании речи у ребенка, речевая деятельность которого начинается с отдельных звуков и слов. В несколько крайней форме мысль о тесной связи структурных элементов слова и языка как системы формулирует В. фон Гумбольдт: “Чтобы человек мог постичь хотя бы одно слово... весь язык полностью и во всех своих взаимосвязях уже должен быть заложен в нем” (14, 313). Однако точнее здесь другое: в отдельном слове должны существовать некоторые свойства и элементы, которые должны повторяться во всех иных словах, ибо, если не будет постоянного, лежащего в основе дальнейших изменений при формировании языка, функционирование языка как определенной системы едва ли возможно. Крупнейший лингвист современности Ферде Соссюр, отдавая дань языку как лишь частичному исправлению разумом “хаотичной по природе системы”, все же был убежден, что “изучение языка с точки зрения ограничения произвольности знаков навязывается нам самой его природой” (39, 165).

Таким образом, рассматривая структуру слова в лингвистическом аспекте, мы пришли к речи и языку, что целиком закономерно, поскольку слова и их отношения образуют и то, и другое. Является ли рассмотренная структура универсальной, распространяется ли она на другие естественные языки со звуковыми системами? С большой долей вероятности можно допустить, что в основе внутренней структуры слов, как и большинства существующих естественных языков, будет лежать рассмотренная структура элементов и их отношений, хотя фонетико-грамматические строи языков могут быть различными. В. фон Гумбольдт в свое время утверждал, что “различия между языками основываются на их форме, а форма каждого языка находится в неразрывной связи с духовными задатками народа и с той силой, которая порождает и преобразует эту форму” (14, 74). Поэтому, несмотря на то, что глубинная структура, лежащая в основе всех языков, одна, за различиями языков кроются неясные пока различия в устройстве мироздания.

Структура слова, изображенная на схеме 2, представляет собой некое подобие сети, в которой все элементы находятся между собой в определенных отношениях. В. фон Гумбольдт сравнивал язык с огромной тканью, “все нити которой более или менее заметно связаны между собой и каждая — со всей тканью в целом”. “С какой бы стороны к этому не подходить, — отмечал он, — человек всякий раз касается в речи лишь какой-то отдельной нити, но, движимый инстинктом, он постоянно совершает это так, как будто в данный момент ему открыта вся основа, в которую неизбежно вплетена эта от-

дельная нить” (14, 88). Ю. Н. Караулов полагает, что основу владения языком составляет ассоциативно-вербальная сеть, имеющая, по его предположению, нейронную основу, за которой скрываются реальные картины мира. Эту точку зрения разделяют многие современные нейрофизиологи, психологи, лингвисты.

5.7. АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНАЯ СЕТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОМ

Уже ассоциативная психология XIX века заложила взгляд на язык как ассоциацию словесных представлений. XX век “знаменуется особым вниманием к ассоциативным системам мозга, которые активно исследуются в морфологическом, нейрофизиологическом и поведенческом аспектах” (2, 3), включая речевое поведение человека. Наиболее ярко в XX веке ассоциативный подход к языку проявился в психолингвистических исследованиях: Ч. Осгуд, Дж. Кэрол, Т. Сибек, Дж. Миллер, Н. Хомский, Ж. Мелер, Д. Слобин, Дж. Грин, Дж. Диз, Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, А.П. Клименко, А.Е. Супрун и др.

* * *

«Ассоциации – это связь между некоторыми объектами или явлениями, основанная на нашем личном, субъективном, опыте. Опыт этот может совпадать с опытом той культуры, к которой мы принадлежим, но всегда является также и сугубо личным, укорененным в прошлом опыте отдельного человека.

Так, для любого человека европейской культуры черный цвет – это прежде всего цвет траура, тогда как в японской культуре в том же качестве выступает белый цвет. Очевидно, что здесь имеет место некая культурная условность, которую мы называем “символикой цвета”. При этом для отдельного индивида не важно, почему так сложилось, что именно черный (или белый или зеленый) цвет принято считать цветом печали, поскольку человек рождается в уже готовый мир. Черный ассоциируется у нас с трауром, ибо так принято.

...В других случаях сама по себе связь между явлениями оказывается не условной, а фактической. Человек, однако же, и такие связи усваивает через социальное познание, т. е. через свое существование в культуре. Например, мы рисуем чаще всего карандашом, а пишем – ручкой. И хотя можно рисовать углем, тушью и фломастером, а писать на компьютере, но все же (по крайней мере, до недавнего времени) мысль о рисунке в процессе рисования вызывала ассоциацию именно с карандашом, а представление о процессе письма вызывало мысль о ручке.

Фактические ассоциативные связи типа кошка – мурлыкать или кошка – мяукать, печка – дрова, труба – дым, роза – запах розы образуются и закрепляются в нашей памяти по мере приобретения жизненного опыта.

В немалой мере этот опыт чисто индивидуален. Кому-то запах гвоздики напоминает кресло зубного врача и связанные с этим болезненные ощущения, что не так и странно, если знать, что стоматологи используют препарат, пахнущий гвоздичным маслом. Не у всех, однако, именно эта ассоциация закрепилась.

Кто-то мрачнеет от одного вида собаки-боксер, потому что некогда у него погиб любимый пес именно этой породы. Я встречала людей, которые любили облетающие осенние деревья, потому что самые значимые события в их жизни случались осенью.

Яркий пример глубоко личных ассоциаций являет музыка. Одно и то же сочинение может вызывать у разных людей не просто разные чувства, но порой чувства с противоположным знаком.

Ассоциативные процессы как феномен психики изучали с древности. В Новое время ими более всего занимались психологи и психиатры. На том этапе становления психологии как самостоятельной науки, который принято считать начальным, психологи вообще считали, что изучение ассоциативных связей, процессов их формирования и закрепления – это и есть главная их задача.

Интерпретация сновидений – основной метод, который использовал основатель психоанализа Зигмунд Фрейд, также базировался на выявлении ассоциаций. Его ученик Карл Густав Юнг считал исследование ассоциаций главным инструментом психоанализа. В русле таких интересов были составлены первые списки ассоциаций, которые долго рассматривались как отправная точка для суждений о психической норме. Авторами этих списков были американцы А. Розанов и Х. Кент, а сам материал впервые был опубликован в 1910 г. в «Американском журнале изучения психических заболеваний».

Психологи и поныне изучают ассоциации, предъявляя своим испытуемым в качестве стимулов различные слова, изображения, цветообразцы, а в качестве ответов изучают свободную интерпретацию увиденного или рассказ об эмоциях, которые вызывает предъявленный стимул...

Психолингвистика занимается более узким кругом ассоциативных процессов – она изучает только ассоциации словесные, или, как нередко говорят, вербальные. Обычно с целью изучения словесных ассоциаций проводится ассоциативный эксперимент. <...>

<...> Из сказанного ясно, что как феномен ассоциативная связь определена именно культурой во всем ее многообразии – всеми знаниями, опытом, в том числе – чувственным опытом, но при этом таким опытом, в котором мы не отдаем себе отчета. Мы ведь специально не думаем о том, что мех – пушистый, а лимон – кислый. Этот опыт у взрослого человека настолько автоматизирован, что большинство людей на слово *мех* и на слово *лимон* в АЭ дадут именно ответы *пушистый* и *кислый*. Изучая ассоциации в АЭ, мы, таким образом, апеллируем к неосознаваемому, глубинному слою нашей психики» (44, 189 - 192).

* * *

Современная психолингвистика органически входит в систему психологических наук, так как язык и речевая деятельность участвуют в формировании и функционировании самого... психического отражения, и в процессе опосредования этим отражением жизнедеятельности людей” (20, 20). По определению А.А. Леонтьева, “предметом психолингвистики является соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны и языком как главной “образующей” образа мира человека, с другой” (20, 19). Этот интегративный характер современной психолингвистики наиболее ярко воплотился в понятии языковой личности.

Языковая личность, как бы ее ни трактовали различные авторы, включает в себя саму систему определенного языка (или языков), а также ряд постоянных факторов – поло-возрастных, социальных, профессиональных, культурно-исторических. Академик Ю.Н. Караулов выделяет три уровня языковой личности, влияющих на особенности ее вербальных ассоциаций. Первый уровень он называет вербально-семантическим уровнем, или лексиконом, который включает в себя и знания грамматики языка. Второй – лингвокогнитивным уровнем, или тезаурусом, в котором запечатлена система знаний личности о мире. К третьему уровню он относит мотивационный уровень, или прагматикон, отражающий систему целей, мотивов, установок и интенциональностей личности. На практике взаимопроникновение этих

уровней оказывается настолько сильным, что границы между ними размываются, теряют свою четкость (17, 238 – 239).

В языке и нервной системе человека закодированы определенные иерархии и уровни опыта. Все уровни взаимосвязаны и оказывают влияние на организацию информации, протекание психических процессов, поведение личности. Процесс и механизм восприятия окружающего мира посредством своих органов чувств носит название модальности.

Выделяют зрительную (визуальную), слуховую (аудиальную) и кинестетическую модальности, последняя основана на обонятельно-вкусовых и телесных ощущениях. Одна из модальностей у человека доминирует, остальные являются сопутствующими. В экстремальных ситуациях человек склонен использовать преимущественно предпочтительную репрезентативную систему, сокращая доступ информации по другим сенсорным каналам.

Существует зависимость между доминирующей модальностью и словами, в которых эта модальность чаще всего выражается. Человек, у которого доминирует зрительное восприятие часто использует такие слова, как *видеть, смотреть, яркий, туманный, отчетливо* и т. д. При доминирующей аудиальной модальности в речи часто встречаются слова *слышать, звучать, скрипеть, кричать, оглушать*, при кинестетической – *шершавый, твердый, мягкий, вкусный, нежный* и т. п.

Единицами вербально-семантического уровня мышления выступают отдельные слова, отношения между которыми охватывают все разнообразие их семантических, грамматических, фонетических, лексических и ассоциативных связей. Совокупность этих связей образует единую ассоциативно-вербальную сеть, выступающую в качестве психологической основы владения языком.

По мнению Т.Н. Ушаковой, вербальная сеть составляет основу, на которой происходят закономерные изменения языковых состояний. По мере формирования и развития языка личности в сети “появляются слова, значение которых определяется не через связь с непосредственными впечатлениями, а через связь с другими словами” (43, 149). Организация в виде сети следов словесных раздражителей имеет приспособительное значение, так как в результате развития связей между словесными сигналами образуется новый уровень обобщения и отвлечения с помощью слова. По ходу этих процессов активизируются одни структуры ассоциативно-вербальной сети и тормозятся другие, создаются различные виды “мозаики” активности, формируются синтезы, дифференциации (43, 149).

Т.Н. Ушакова считает, что единым звеном при речевом общении является вербальная сеть (естественная матрица речевого опыта) и возникающая в ней при коммуникации мозаика активности. В процессе коммуникации говорящий передает слушающему паттерн активности своей вербальной сети, возбуждая аналогичный паттерн в вербальной сети слушателя. Эти положения нашли свое экспериментальное подтверждение при исследовании процессов формирования словесных ассоциаций в структурах вербальной сети (43, 149 – 154).

Как отмечает Ю.Н. Караулов, особенностью ассоциативно-вербальной сети носителя языка является то, что грамматика в ней (следовательно, и в сознании личности) не отделена от лексики, не противопоставлена ей, а синкретична со словом, разлита, “размазана” по всей сети, рассеяна в аналогических моделях словоформ и словосочетаний, являющихся ее единицами (узлами сети). Большинство носителей языка не знает грамматики в традиционно-лингвистическом ее представлении, а оперирует в своей речи моделями словоформ, словосочетаний и предложений, опираясь на закон повторяемости и закон аналогии. Структура словесных ассоциаций включает в себя помимо формально-грамматических связей слов и их семантические связи.

А.А. Леонтьев под ассоциативно-вербальной сетью понимает стабильную психофизиологическую структуру, фиксирующую значения слов и связей между ними. По его мнению, в основе организации ассоциативно-вербальной сети лежат смысловые и звуковые отношения между словами. Звучащее слово приводит к оживлению у слушающего структуры узла его вербальной сети. При этом в наибольшей мере должны активизироваться структуры нервных связей воздействующего слова, в ослабленной мере другие словесные структуры. Такое совозбуждение вызывает в сознании вместе со словом все его ассоциативные связи – важные, основные, дополнительные (21, 15 – 21).

Дж. Миллер выдвигал шесть гипотез относительно природы ассоциаций и структуры ассоциативно-вербальной сети. Согласно первой гипотезе, сила ассоциаций объясняется частотой совместного появления соассоциатов в речи. Вторая гипотеза заключается в том, что ассоциативные связи между словами не заучиваются, но возникают в результате наличия у определенной группы слов какого-либо общего признака в разной степени его проявления. Полагают, что ребенок заучивает отдельно слова, а лишь затем осознает ассоциативные связи между ними, если последние возникают. Третья гипотеза предполагает, что слово всегда вызывает некий психический образ, причем абстрактное слово ассоциируется с конкретным образом. Так возникают родо-видовые отношения между словами, например, связь *животное* – *собака*. В четвертой гипотезе допускается организация ассоциативных отношений в виде отношений части к целому. В пятой гипотезе ассоциативная память представлена группами понятий, которые воплощаются в определенных словах, так называемых семантических маркерах. В простейшем случае применительно к существительным маркеры выглядят следующим образом:

имена собственные (+) – имена нарицательные (-)

одушевленные (+) – неодушевленные (-)

исчисляемые (+) – неисчисляемые (-) и т.д.

И, наконец, шестая гипотеза базируется на том, что ассоциируемые слова часто входят в предикатные отношения: А есть В; А имеет В и т.п. (24, 25 – 28).

Все шесть гипотез свидетельствуют о том, что отношения между словами заключаются в распределении различных ассоциаций, совокупность которых и образует ассоциативно-вербальную сеть, выступающую в качестве

психологической основы владения языком. Эта сеть имеет нейронную основу, для которой, в свою очередь, основой выступает геометрический (голографический) образ слова и языка. Геометрический (голографический) образ представляет собой внутреннюю (идеальную) форму любого языка.

* * *

«Мышление – продукт языка, но не только языка. Источник мышления – это длительное состояние активной неуверенности, которое может найти разрешение только путем согласования имеющихся образов. Иногда эти образные решения очевидны, как в открытии Кекуле гексагональной структуры бензольного кольца. В сплетении музыкальных фраз у музыканта или в игре живописца с красками. Однако чаще такие неязыковые аспекты мышления не явны отчасти потому, что словесная коммуникация может быть гораздо более ясной.

Моя гипотеза заключается в том, что *всякое* мышление включает, помимо манипуляции знаками и символами, голографический компонент. Голографические изображения представляют собой прекрасные ассоциативные механизмы. Они успешно и мгновенно выполняют кросс-корреляционные функции. Именно эти свойства и приписываются мышлению в процессе решения задач – трудность состоит в том, чтобы выяснить, какой нервный механизм участвует в этом процессе. Эта трудность, как и постоянное использование мозгом голографических преобразований, является следствием другого свойства: голограммы образуются путем преобразований, которые при простом повторении, по существу, восстанавливают оригинал, из которого было составлено голографическое изображение. Голограммы – это «катализаторы мысли». Хотя сами они остаются неизменными, они входят в процесс мышления и облегчают его.

Согласно этой точке зрения, мысль – это поиск уменьшения неопределенности с помощью распределенной голографической памяти. То есть стремление приобрести необходимую информацию. Однако эта формулировка неточна, если термин *необходимая информация* не включает соответствующие структуры, а не только элементы, или биты» в смысле, который придается этому термину в теории информации. Когда задачи вызывают работу мысли, субъект чаще всего начинает искать контекстные и структурные соответствия, а не просто специфические единицы информации. По моему мнению, эти соответствия легче всего обнаруживаются, когда операция кодирования осуществляется в голографической форме. По видимому, сила мышления при решении задач заключается в возможности неслучайного возвращения к тем структурным образам, которые и обеспечивают функцию повторения и способствуют тому, что в памяти происходят дополнительные распределения следов. Некоторые из этих распределений вследствие корреляций с состояниями мозга, отличающимися от исходного состояния. Включаются в новые системы образов и представлений. Если их правильно использовать, они создают новые возможности для решения проблем» (34, 401 – 407).

* * *

5.8. ПОНЯТИЕ И ОБРАЗ КАК ЭЛЕМЕНТЫ СТРУКТУРЫ СЛОВА

Еще Платон и Аристотель полагали, что с помощью понятий познаются существенные и коренные свойства бытия. В современной логике и языкознании понятие в общем плане определяется как мысль, которая в обобщенной форме отражает предметы и явления путем фиксации их свойств, признаков и отношений. Свойства, признаки и отношения выступают в понятии как общие и специфические приметы, соотнесенные с классами предме-

тов и явлений. Понятийное мышление осуществляется путем особых умственных операций — анализа и синтеза, отождествления и различения, абстрагирования и обобщения.

Понятие в языкознании не связывают с какой-нибудь одной знаковой формой, а допускают выявление одного и того же понятия разными знаковыми формами: формами различных языков, разными средствами выражения в одном и том же языке — синонимия, различные грамматические средства и формы выражения одного и того же содержания и т. д.

При рассмотрении понятия нужно учитывать сложность явления и отличать различные его стороны: понятие как элемент сознания, понятие как единицу мышления и понятие как элемент слова и языка. Понятие как элемент сознания — это объект онтологии, как единица мышления — логики и смежных наук, которые занимаются проблемой мышления, как элемент слова и языка — объект лингвистики. С точки зрения онтологии, понятие — это структурированное сознание. Если рассматривать понятие как единицу мышления, то это сознание переструктурированное в личностную сущность, которая получает в языке языковую форму. По мнению Ф. де Соссюра, в психологическом отношении наше мышление представляет собой аморфную, нерасчлененную массу, и взятое само по себе оно похоже на туманность, где ничто четко не разграничено. Специфическая же роль языка в отношении мысли заключается не в создании материальных звуковых средств для выражения понятий, а в том, чтобы служить посредствующим звеном между мыслью и звуком, и притом таким образом, что их объединение неизбежно приводит к обоюдному разграничению единиц (39, 144).

В. фон Гумбольдт полагал, что сила духа (подразумеваемая под этим понятие), воздействуя на артикуляцию, заставляет органы речи воспроизводить звуки в соответствии с формами своей деятельности. «Общая особенность взаимодействия формы деятельности духа и артикуляции, — отмечал В. фон Гумбольдт, — заключается в том, что сфера действия как того, так и другого делится на элементы; простое объединение этих элементов образует совокупности, которые в свою очередь стремятся превратиться в части новых совокупностей. К тому же многообразие должно скрепляться в единство, как этого требует мышление» (14, 85).

Современные нейробиология и нейрофизиология далеки от того, чтобы признавать мысль, мышление деятельностью духа или человеческой души, а склонны рассматривать их скорее как функцию сложных систем нейронных соединений. Вполне вероятно, что в отношении к мышлению это может быть и так, однако это не опровергает того, что сознание и сама жизнь в человеческом теле существуют лишь потому, что в нем присутствует душа или дух, или то и другое вместе. В современной нейрофизиологии нет четкого представления о том, что актуализирует отдельные понятия — отдельные клетки или ансамбль клеток, и следует ли в этом случае говорить о том, что существует функциональное тождество между понятием и актуализируемыми клетками. Известный американский нейрофизиолог, лауреат Нобелевской премии Д. Хьюбел по этому поводу пишет: «Можем ли мы обнаружить отдельные

клетки для бабушки улыбающейся, плачущей или занимающейся шитьем? Или отдельные клетки, отражающие понятие или определение “бабушки” — то, что это мать матери или мать отца какого-то человека?» По его предположению, таких отдельных клеток не существует, а данный объект или понятие актуализируют определенную группу клеток — «нейронный ансамбль», каждый член которого может принадлежать также и другим ансамблям, при этом клетки одного ансамбля не сосредоточены в одной корковой зоне, а разбросаны по многим зонам. В отличие от просто “бабушки”, “бабушке”, “занимающейся шитьем”, должен соответствовать более крупный ансамбль, включающий бабушку по определению, бабушкино лицо и процесс шитья (45, 228—229).

Но и такое объяснение не может дать удовлетворительного ответа на вопрос, как образуются новые понятия, и каким образом осуществляется мышление. Следует ли предполагать, что новое понятие — это всего лишь включение в процесс мышления новой клетки или ансамбля клеток, а сам процесс мышления представляет собой лишь установление связей между определенными клетками? Откуда исходит начальный импульс, актуализирующий первую клетку в процессе мышления? Означает ли это также, что в определенной клетке, ансамбле клеток или нейронной структуре уже заложено генетически определенное знание, в том числе и научное, и его следует только актуализировать? А может, все-таки его приходится извлекать из реального мира каким-то иным образом? Вообще говоря, сведение процесса мышления к чисто физиологическим процессам представляется тупиковым путем в познании его природы.

В процессе мышления важно видеть также не только интеллектуальную сторону деятельности сознания. Еще Л. С. Выготский отмечал, что отрыв мышления от аффективно-волевой стороны сознания представляет один из основных и коренных пороков всей традиционной психологии. Мышление в этом случае неизбежно превращается в автономное течение себя мыслящих мыслей и отрывается от всей полноты живой жизни. «Мысль — не последняя инстанция — пишет он. — Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наши влечения и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция. Только она может дать ответ на последнее “почему” в анализе мышления» (5, 23).

В любом случае можно заключить, что понятие как категория мышления многомерно, его содержание может постоянно расширяться и своим аналогом оно имеет не только отдельное слово, но и отраженную и познанную часть действительности.

С лингвистической точки зрения, отношения слова к понятию формируют так называемый сигнификативный аспект слова. Сигнификат рассматривается как структурированная языковыми средствами часть понятия, которая определяется местом конкретного слова в системе языка: в системе фонологических и грамматических оппозиций, в лексико-семантическом поле, в системе синонимов, антонимов, терминов, перифраз и т. д.

Образ, как и понятие, можно рассматривать в трех аспектах: как структурированное сознание, как психическую сущность (переструктурированное сознание) и как элемент слова. Наиболее ярко отличия в онтологическом плане между понятием и образом можно проиллюстрировать через отличия между семемой и значением. Понятие включает в себя некоторый множественный набор признаков, характерный для определенного класса предметов или явлений. В понятии этот набор признаков существует в неустойчивом состоянии, проявление того или иного признака имеет вероятностный характер, который зависит от речевой интенции (намерения); в более широком, философском смысле — от воли. В образе этот же множественный набор существует по отдельности в устойчивом состоянии. В акте речи понятие на определенный момент получает устойчивую форму, которая соответствует определенному устойчивому образу; тем самым устанавливается временное тождество между образом и понятием. Возможно, что существует и обратная связь — определенный образ дает импульс для временного устойчивого состояния понятия.

Как отмечают исследователи, признаком образа считается расположенность входящих в него элементов, их ориентированность в пространстве. Образное восприятие характеризуется предметностью и целостностью. Предметность обеспечивает разделение воспринимаемых объектов на фигуру и фон, где фигура представляет собой конкретное, четко очерченное целое, а фон — нечто аморфное, неопределенное, неограниченное. Целостность обеспечивает внутреннюю взаимосвязь частей и целого в образе, и в некотором смысле она индифферентна по отношению к искажению до определенных пределов отдельных частей в образе.

Отношения слова к образу формируют так называемый денотативный аспект слова. Денотаты — структурированные языковыми средствами образы реальных или воображаемых предметов и явлений. Через образы этих предметов и явлений слова соотносятся с самими реалиями — настоящими (дом, человек, машина) или воображаемыми (русалка, дракон, лесовик).

При употреблении конкретными носителями языка сигнификативный и денотативный аспекты слова варьируются, поскольку и адресат, и адресант вносят в содержание слова элементы своего “Я”. Различная интерпретация содержания слов разными людьми зависит от их профессии, образования, места жительства и т. п.

Таким образом, полученная на основе геометрических законов топологическая модель слова включает в себя фундаментальные структурные свойства слова и языка и удовлетворяет требованиям поворотной, зеркальной и моноклинной симметрий. Для фигуры характерны также следующие топологические парные свойства (топологические свойства — свойства геометрических фигур, не изменяющиеся при любых непрерывных преобразованиях фигур): континуальность и дискретность, зеркальность и комплементарность, симметричность и асимметричность. Эти свойства находят свое отражение в устройстве и функционировании человеческого мозга. Тем самым модель

получает свои онтологические основы и обретает объясняющую силу для других объектов действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Античные теории языка и стиля. СПб., 1996.
2. Ассоциативные системы мозга: Сб. науч. тр. / Под ред. А.С. Батуева. Л., 1985.
3. Вейль, Г. Симметрия. 2-е изд., стереотип. М., 2003.
4. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
5. Выготский, Л.С. Избранные психологические исследования. М., 1956.
6. Гарднер, М. Этот правый, левый мир. М., 1967.
7. Гегель, Г. Феноменология духа. М., 2000.
8. Гегель, Г. Философия духа. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977.
9. Гейзенберг, В. Шаги за горизонт. М., 1987.
10. Гируцкий, А.А. Нейролингвистика: курс лекций / А.А. Гируцкий, И.А. Гируцкий. Мн., 2008.
11. Гируцкий, А.А. Общее языкознание. 4-е изд. Мн., 2008.
12. Гируцкий, А.А. Структура слова. Мн., 2005.
13. Гируцкий, А. А. Тайна имени. Мн., 1996.
14. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М., 2000.
15. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960.
16. Звегинцев, В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. М., 1964. Ч. II. М., 1965.
17. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Отв. Ред. Д.Н. Шмелев. М., 1987.
18. Комлев, Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. 2-е изд., стер. М., 2003.
19. Левицкий, В. В. Семантика и фонетика. Черновцы, 1973.
20. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики. М., 1997.
21. Леонтьев, А.А. Слово в речевой деятельности. М., 1965.
22. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
23. Ломоносов, М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. М.-Л., 1952.
24. Любимов, Ю.В. Природа ассоциации: структура словесной памяти и понятие ассоциативного значения // Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977. – С. 25 – 28.
25. Налимов, В. В. Вероятностная модель языка. 3-е изд. Томск; М., 2003.
26. Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М., 1972.
27. Панов, М. В. О слове как единице языка // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. Т. 51. Вып. 5, 1956.
28. Петерсон, М. Н. Русский язык. Пособие для преподавателей. М.-Л., 1925.

- 29.Пешковский, А. М. Еще к вопросу о предмете синтаксиса // Русский язык в советской школе. 1929, № 2.
- 30.Плотников, Б. А. Основы семасиологии. Мн., 1984.
- 31.Плотников, Б. А. О форме и содержании в языке. Мн., 1989.
- 32.Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1 – 2. М., 1958.
- 33.Потебня, А. А. Из лекций по теории словесности. Харьков, 1905.
- 34.Прибрам, К. Языки мозга. М., 1975.
- 35.Рождественский, Ю. В. Лекции по общему языкознанию. М., 1990.
- 36.Сепир, Э. Язык. М., 1934.
- 37.Смирницкий, А. И. К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова»)// Вопросы теории и истории языка. М., 1933.
- 38.Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933.
- 39.Соссюр, Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.
- 40.Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975.
- 41.Супрун, А.Е. Лекции по теории речевой деятельности. Мн., 1996.
- 42.Узоры симметрии. М., 1980.
- 43.Ушакова, Т.Н. Проблема внутренней речи в психологии и психофизиологии // Психологический журнал, 1980. Т.1. № 4. – С. 145 – 153.
44. Фрумкина, Р.М. Психолингвистика. М., 2001.
- 45.Хьюбел, Д. Глаз, мозг, зрение. М., 1990.
- 46.Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1972.
- 47.Шредингер, Э. Пространственно-временная структура Вселенной. М., 1986.
- 48.Щерба, Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т.1. М., 1958.
- 49.Язык и наука конца XX века. М., 1995.
- 50.Якобсон, Р. О. Избранные работы. М., 1985.